

Н. Я. Эйдельман

ДЕСЯТЬ АВТОГРАФОВ ПУШКИНА
ИЗ АРХИВА П. И. МИЛЛЕРА

20 марта 1972 г. в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина поступили материалы из семейного архива Миллеров. Среди рукописных документов, связанных с Павлом Ивановичем Миллером, оказалось **десять автографов** А. С. Пушкина, составляющих в совокупности **тридцать семь страниц** рукописного текста. Это одна творческая рукопись и девять писем; все десять документов давно входят в собрания сочинений и писем поэта, но печатаются либо по авторитетным спискам, либо по первым публикациям текстов.

Вот перечень (в хронологическом порядке) новых автографов с указанием тома и страниц полного академического собрания сочинений А. С. Пушкина, где напечатаны соответствующие тексты.

1. Письмо Пушкина — П. И. Миллеру (т. XIV, с. 208; с датировкой «первая половина августа 1831 г.»).

2. Письмо Пушкина — П. И. Миллеру (т. XIV, с. 223; с датировкой «около (не ранее) 4 сентября 1831 г.»).

3. Письмо Пушкина — П. И. Миллеру (т. XIV, с. 225; с датировкой «первая половина сентября 1831 г.»).

4. Письмо Пушкина — П. И. Миллеру (т. XIV, с. 239; с датировкой «после 24 октября — начало ноября (?) 1831 г.»).

5. Письмо Пушкина — А. Х. Бенкендорфу 3 июля 1834 г. (т. XV, с. 172).

6. Письмо Пушкина — В. А. Жуковскому 4 июля 1834 г. (т. XV, с. 173—174).

7. Письмо Пушкина — А. Х. Бенкендорфу 4 июля 1834 г. (т. XV, с. 174).

8. Письмо Пушкина — А. Х. Бенкендорфу 6 июля 1834 г. (т. XV, с. 176—177).

9. «Замечания о бунте» (г. IX, с. 371—376).

10. Письмо Пушкина — А. Х. Бенкендорфу 21 ноября 1836 г. (т. XVI, с. 191—192).

Сам факт обнаружения столь большого собрания пушкинских рукописей является, конечно, радостным событием и весьма обнадеживающей перспективой для новых разысканий.

Павел Иванович Миллер (1813—1885), лиценст VI курса (выпуск 1832 г.), в 1833—1844 гг. служил личным секретарем шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, благодаря чему мог легко ознакомиться с перепиской Пушкина и Бенкендорфа, а также с разными пушкинскими материалами, адресованными шефу жандармов для последующей передачи Николаю I.

После смерти Бенкендорфа (1844 г.) Миллер некоторое время числился при почтовом департаменте, большой карьеры не сделал и, выйдя в отставку статским советником и камер-юнкером, жил в Москве, где, между прочим, деятельно участвовал в подготовке пушкинских торжеств 1880 г.¹

Сведения о пушкинских материалах, находящихся в руках П. И. Миллера, начали распространяться вскоре после гибели поэта. Сначала, в 1840-х—1850-х гг., несколько близких к Миллеру людей сняли копии с пушкинских «Замечаний» к «Истории Пугачевского бунта», следствием чего было появление первых печатных публикаций в России и за границей. В 1861 г. Миллер предоставил издателям прогрессивного московского журнала «Библиографические записки» четыре пушкинских письма, связанных с попыткой поэта в 1834 г. подать в отставку. Уже после смерти Миллера журнал «Русский архив» опубликовал его воспоминания о знакомстве с Пушкиным и в их составе четыре письма поэта, а также сведения о сохранявшемся у Миллера письме Пушкина к Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. После этого никаких сведений о судьбе пушкинианы П. И. Миллера не появлялось до начала 1947 г., когда (согласно недавно опубликованной записи Т. Г. Цявловской, сделанной со слов К. П. Богаевской) в Литературный музей приходила владелица этого архива: «Она химик. Назвалась, сказала, что у нее письма Пушкина <...> опубликованные, письмо к Бенкендорфу, еще кое-что. Живет в районе Кропоткинской улицы. К сожалению, больше не приходила...»²

Пушкинские автографы и другие рукописи из архива П. И. Миллера поступили в Отдел рукописей от Олимпиады Петровны Голубевой. По сообщению О. П. Голубевой и согласно некоторым документам, сохранившимся в самом архиве Миллера, история новообретенных автографов такова: после смерти П. И. Миллера их унаследовал его племянник, генерал-майор Николай Васильевич Миллер (1844—1915)³. После Н. В. Миллера бумаги перешли к его племянницам — Марии Владимировне и Софье Владимировне Петерсен. По смерти С. В. Петерсен (1945 г.) архив Миллера сохранялся у ее подруги, доктора химических наук Анастасии Петровны Голубевой. После недавней кончины А. П. Голубевой ее сестра Олимпиада Петровна нашла пушкинские автографы в папке для бумаг, озаглавленной (карандашом, рукою П. И. Миллера) «Литературные мелочи».

Пушкинские автографы поступили в составе небольшого комплекса документов, большей частью из архива П. И. Миллера и в меньшей степени — Н. В. Миллера. Среди части, принадлежавшей П. И. Миллеру, — черновые и беловые рукописи рассказов, очерков, статей и заметок, письма, копии стихотворений и исторических документов, рисунки, записные книжки, хозяйственная документация. К сожалению, почти отсутствуют бумаги, относящиеся к лицейской учебе П. И. Миллера и его службе при Бенкендорфе. Одно из немногих исключений — черновик письма Миллера к Л. В. Дубельту (сентябрь 1837 г.), где автор просит ему помочь опубликовать в одном из ближайших номеров «Северной пчелы» (под псевдонимом *Пипилеев*) описание находящегося в имени Бенкендорфа Фалльского сада, «дабы доставить удовольствие нашему отцу и командиру». Кроме отпусков собственных писем Миллера к К. К. Гроту (3, 1862—1863) и А. А. Перетцу (1, 1860), а также письма матери к нему от 15 декабря 1836 г., в поступивших бумагах нет никаких следов его переписки. Между тем в архиве Я. К. Грота (ЦГАЛИ,

Пушкинский дом, архив Академии наук СССР) находится немало интересных писем Миллера к известному филологу и лицейскому товарищу автора. Многие из этих посланий посвящены Пушкину, и отсутствие ответных писем Грота, конечно, огорчительно. Среди сохранившихся документов Миллера находятся два его дневника: один, небольшой, велся во время поездки Миллера по Германии с 12 мая по 26 июня 1846 г.; другой — более обширный — под заглавием «1862. Путешествие на Лондонскую выставку».

Наиболее интересные записи посвящены Вольной русской печати. «11-го [июня] в 5 ч. [вечера] отправился на парох[оде] рус[ского] общества «Керчь», заплатив из Одессы до Галаца за первое место с продовольствием 20 руб. сер. Капитан Никол[ай] Павл[ович] Пovalo-Швейковский, сын моряка, брата Яков[а] Михайлов[ича] Смоленского. Читали с ним **потаянную рус[скую] литературу**, издаваемую Герценом, и проболтали до 3 ч. утра у него в каюте о Смоленских знакомых».

20 июня/2 июля 1862 г. в Пеште Миллер «купил в книжном магазине <...> 2 выпуска Полярной Звезды за 62 год и последние номера Колокола; за каждый томик заплатил 3 гульдена, т. е. 1 р. 60 к.; а за последний номер Колокола 40 крейцеров, т. е. 30 к. сер.»

Еще более интересна запись, свидетельствующая о прямом сотрудничестве Миллера с Вольной русской типографией, в частности, с активным помощником Герцена и Огарева В. И. Кельсиевым:

«3/15 [июля] втор[ник]. Ездил к Кельсиеву, главному редактору Народного веча по старообрядческой литературе, чтоб переговорить с ним об издании Евангелия. Он сказал, что печатный лист, включая все типографские расходы, обойдется мне в 6 фунтов, т. е. в 36 р. сер., а листов будет 5. След[овательно], издание будет стоить до 200 р. Он взялся переговорить с Трюбнером: не возьмется ли он издать на свой счет в числе 1500 экземп[ляров], выдав мне как автору 10 экземп[ляров] даром, остальные пустить в продажу в свою пользу. На этом мы расстались, поговорив об его планах и об России вообще. Завтра я должен отвезть ему рукопись».

«4/16 июля. Отвез Кельсиеву мое Евангелие и поручил окончательно переговорить с Трюбнером — он мне жаловался на нерасположение соотечичей помогать деньгами, а единственно фразами».

Таким образом, из дневника П. И. Миллера открывается, что он был не только сочувствующим читателем «Полярной звезды» и «Колокола», но даже пытался сотрудничать с Вольной русской печатью в Лондоне. Немалой смелости требовал уже один визит Миллера к Кельсиеву, одному из активных сотрудников Герцена, незадолго перед тем вернувшемуся из нелегальной поездки по России. Заметим, что дата встречи, июль 1862 года, относится к периоду максимального накала общественно-политической борьбы. Именно в эти дни правительство Александра II развернуло широкие репрессии (7 июля были арестованы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич). Как известно, В. И. Кельсиев предпринял перевод Библии на русский язык и в 1860 г. издал в Вольной русской типографии 5 книг Ветхого завета. Кельсиев собирался издать также и Новый завет, однако по разным причинам не сумел этого сделать. Переговоры с Миллером, о которых прежде ничего не было известно, свидетельствуют о попытках Кельсиева довести перевод до конца. По-видимому, это предприятие не было осуществлено, так как в конце августа 1862 г. Кельсиев покинул Лондон; однако даже неосуществившееся участие бывшего секретаря Бенкендорфа в вольных

изданиях — факт весьма примечательный^{3а}.

Судя по сохранившейся части архива, П. И. Миллер был не чужд литературных интересов. Среди бумаг сохранилось 6 номеров «Спб. ведомостей» за 1849 г. с фельетонами «Из записной книги», подписанными «П. М-р», а также страницы из двух номеров «Современника», где отрывки «Из записной книжки» подписаны «П. И. Лучка» (последний псевдоним, связанный с тульским именем Миллеров «Лучка», учтен в известном словаре И. Ф. Масанова)⁴.

Интерес чиновника и литератора к Пушкину не ограничивался сохранением автографов великого поэта. Среди материалов Миллера находится беловая рукопись его известных воспоминаний о знакомстве и первой встрече с Пушкиным, а также неизвестная прежде черновая записка Миллера, без заглавия, посвященная дуэли и смерти Пушкина (печатается в приложении к данной работе). Это любопытное, хотя и не лишенное ошибок сочинение создано, несомненно, через много лет после описываемых событий — в нем есть фразы, свидетельствующие о ретроспективном взгляде на прошедшее. Судя по типу бумаги, чернилам, характеру расположения материала и старой нумерации листов этот документ составлялся одновременно с некоторыми другими заметками Миллера, которые возникли не раньше 1852 г.: в одной из них говорится о «покойном» министре финансов Вронченко (1780—1852).

Как видно из сохранившихся рукописей Миллера, в печать попала только небольшая часть собранных им заметок и анекдотов, имеющих преимущественно «типологический» интерес. Это рассказы, сплетни, слухи, картинки с натуры, истории — очень часто скабрзные, — обрисовывающие круг интересов, чтения и обсуждения в столичной и московской литературно-чиновничьей среде середины прошлого века. Среди этих записей много бесцензурных стихотворений Соболевского, Дениса Давыдова и, конечно, Пушкина (или приписываемых Пушкину). Среди них — «Сосланным в Сибирь», «К Чеодаеву», «Сеятель»; полный текст «Деревни», «Христос воскрес, моя Ревекка...», «На графиню А. Г. Орлову-Чесменскую» и др.

Такая подборка не выделяет как-то Миллера среди многочисленных собирателей запрещенных стихотворений. То же можно сказать и о небольшом собрании историй и анекдотов, связанных с Пушкиным и Гоголем и также, по-видимому, записанных Миллером не раньше 1850-х гг. Среди них нелегко отделить рассказы, случайно записанные с чьих-то слов, от собственных воспоминаний человека, действительно знавшего Пушкина и других крупных деятелей литературы.

Таковы записи вроде следующей: «Пушкин очень выразительно сказал о польской революции: „Не устоять полякам в русской схватке. В Литве проглотим их, а <...> в Камчатке”».

«Гоголь рассказывал...», «Гоголь уверял...» — так начинает Миллер не слишком пристойные анекдоты, связанные с писателем. Одну из историй такого же свойства (о вдове, пришедшей на могилу мужа) Миллер сопроводил более определенным — «слышал от Пушкина», что является для нас еще одним фактом, удостоверяющим их знакомство и общение. Нескольким смешным историям связано с именем душевного пушкинского друга П. В. Нащокина. Возможно, Миллер сам слышал их от него в Москве в начале 1850-х гг. Один анекдот касается того самого московского почт-директора А. Я. Булгакова, который в 1834 г. перлюстрировал письмо Пушкина к жене: «Нащокин сказал раз Александру Булгакову, московскому почт-директору, когда этот по какому-то слу-

чаю разрядился: „ты сегодня просто франт, но не леон, ты — почти леон“». (Каламбур: «леон» (лев) и «почти леон», то есть *почтальон*).

Таковы в общих чертах материалы, характеризующие человека, который соединил в своем собрании 10 пушкинских автографов, после его смерти переживших не меньше 5 владельцев, прежде чем рукописи поступили в государственное хранилище.

1. Письма Пушкина П. И. Миллеру

Все 4 письма Пушкина к П. И. Миллеру — самые ранние из обнаруженных автографов — связаны с началом их знакомства. Они написаны в конце лета и осенью 1831 г. Именно в воспоминаниях о начале своего общения с Пушкиным П. И. Миллер привел тексты этих писем, и по первой публикации воспоминаний (1902 г.) письма поэта к Миллеру с тех пор и печатаются⁵.

Воспоминания о знакомстве с Пушкиным были написаны Миллером около 1860 г. и предназначались для специального сборника в честь пятидесятилетия Лицея (по этому поводу П. И. Миллер переписывался со своим лицейским товарищем академиком Я. К. Гротом)⁶. Работа Миллера, однако, в то время не была напечатана. Беловой автограф воспоминаний, поступивший сейчас в Отдел рукописей, абсолютно точно, вплоть до мельчайших особенностей пунктуации и правописания, был воспроизведен в 1902 г. в «Русском архиве». В то же время в Пушкинском доме, в собрании Л. Н. Майкова, сохранилась копия воспоминаний Миллера, сделанная неизвестным почерком. Она отличается от автографа только одним небезынтересным примечанием: рассказывая о том, как он брал для Пушкина книги у своих профессоров, Миллер называет профессора Оливье (в автографе и «Русском архиве» — О.) и поясняет: «У последнего — „Фауста“ Гёте в оригинале. Остальных книг не припомню после сглыхких лет»⁷. Понятно, это сообщение обогащает наши знания об интересе и внимании Пушкина к творчеству Гёте: как известно, Пушкин не владел свободно немецким языком, и тем более примечательно его желание получить «Фауста» в оригинале.

Первое письмо Пушкина, как объясняет П. И. Миллер, явилось ответом на присланные им книги⁸.

Письмо написано на сложенном в виде конверта, но незапечатанном двойном листе (263×210 мм; верхний обрез — неровный; бумага без водяных знаков, по принятой классификации бумаги, которой пользовался Пушкин — № 218)⁹.

Текст написан чернилами и занимает одну страницу:

«Сердечно благодарю Вас за книги и за любезное письмо Ваше. Когда же исполните Вы другое свое обещание — побывать у меня? Внук очень тем обяжет ему сердцем преданного Деда.

А. П.»

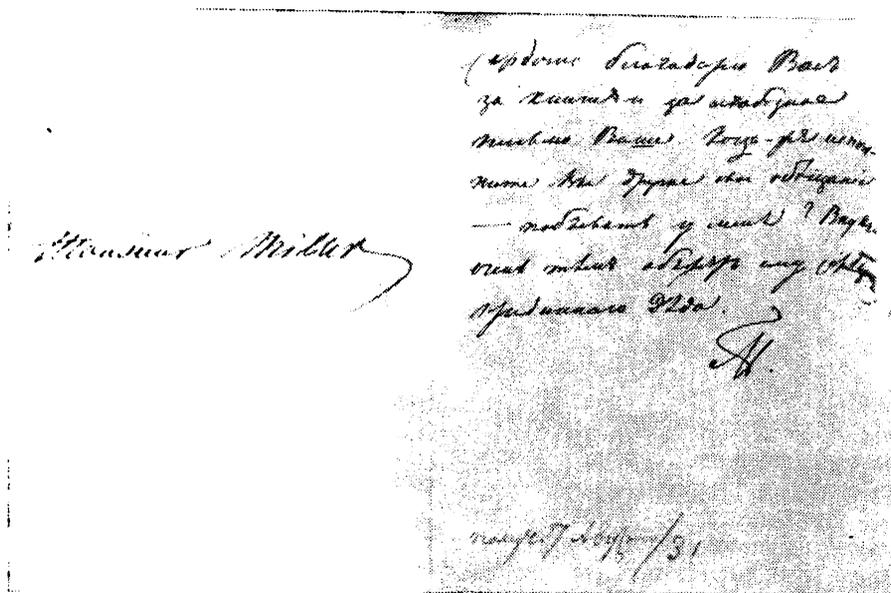
Адрес: «Monsieur Miller».

Адрес этой записки, как и двух других писем Пушкина к Миллеру, где также есть адрес, в прежних публикациях не воспроизводился.

Под текстом рукой П. И. Миллера, карандашом:

«Получ[ено] 7 августа/31» (т. е. 1831 г.).

Комментарии к этому и следующим письмам Пушкина к Миллеру находятся в воспоминаниях П. И. Миллера и примечаниях к письмам

Письмо А. С. Пушкина к П. И. Миллеру. [Около 7 августа 1831 г.] Ф. 661.

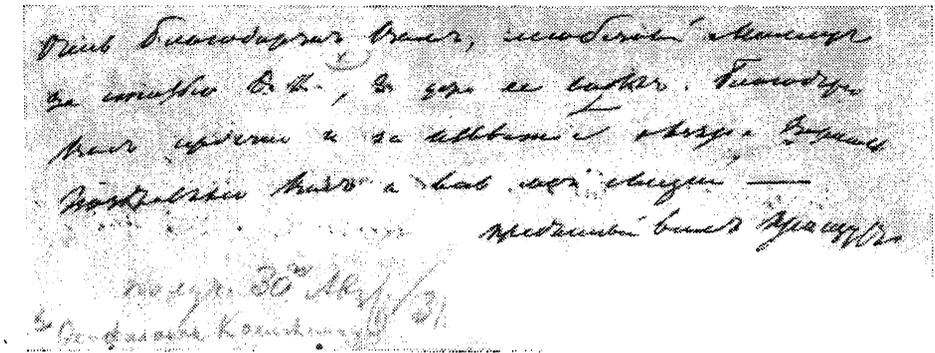
Пушкина¹⁰. Теперь, однако, вместо приблизительной датировки — «первая половина августа 1831 г.» предлагается точная дата письма. Проживая летом и осенью 1831 г. в Царском Селе по соседству с лицеем, Пушкин не имел надобности сообщаться с лицеистом Миллером посредством почты: по самому виду записочек Пушкина ясно, что они писались наскоро и, очевидно, пересылались обратно с тем же посыльным, который приносил соответствующую записку и книгу от Миллера. Естественно, что дата получения записки в этом случае скорее всего та же, что и дата ее написания.

Насколько точным, однако, является указание П. И. Миллера? Как будет отмечено ниже, при датировке двух следующих записочек Пушкина Миллер ошибся, а последнюю, четвертую записку, вероятно, вообще не решился сопроводить точной датой. По-видимому, пометы о времени получения писем Пушкина Миллер делал много позднее, может быть, около 1860 г., когда составлял свои воспоминания. Однако дату своей первой встречи с Пушкиным лицеист указывает с точностью до часа, и, поскольку первую беседу с поэтом он всегда считал среди важнейших памятных событий своей жизни, — можно уверенно заключить, что знакомство состоялось именно 27 июля 1831 г.

В своих воспоминаниях Миллер затем пишет, что «дня через два» Пушкин прислал список необходимых ему книг, а еще через неделю возвратил их, прислав записку. Вероятно, дату получения этой записки Миллер определял, отсчитав 9 или 10 дней от 27 июля (отметим по воспоминаниям Миллера некоторую приблизительность отсчета — «дня через два»...)

Подобными вычислениями, вероятно, руководствовался и П. А. Ефремов, датируя первую записку к Миллеру 6 августа¹¹.

Таким образом, указание Миллера, «7 августа», не может быть принято без сомнения, но все же его следует иметь в виду для приблизительного исчисления даты: примерную протяженность времени от первой

Письмо А. С. Пушкина к П. И. Миллеру. [Не ранее 4 сентября 1831 г.] Ф. 661.

встречи до первого письма Пушкина Миллер вряд ли забыл, и можно, по-видимому, считать письмо полученным **около 7 августа 1831 г.**

Вторая записка Пушкина была, как известно, ответом на не дошедшую до нас записку Миллера, извещавшую о взятии Варшавы армией Паскевича, и на присылку из лицейской библиотеки журнала «Телескоп» со статьей Феофилакта Косичкина (т. е. Пушкина)¹². Она написана чернилами на клочке бумаги, возможно оторванном от только что полученной записки Миллера.

Написав ответ, Пушкин сложил листок вчетверо и причем сделал это так быстро, что чернила не успели просохнуть и отпечатались на листе.

«Очень благодарен Вам, любезный Миллер, за статью Ф. К., я уже ее видел. Благодарю Вас сердечно и за известие о взятии Варшавы. Поздравляю Вас и весь мой Лицей —

преданный вам Прашур.»

Карандашный крестик, поставленный Миллером у «Ф. К.», внизу листка им же расшифрован «Феофилата <так!> Косичкина».

Здесь же рукою Миллера помечено: «Получ[ено] 30-го Август[а]/31.»

Примечание это — несомненно ошибочно.

Еще 3 сентября 1831 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще известия нет» (XIV, 221)¹³.

Известие о взятии Варшавы было привезено в Петербург 4 сентября 1831 г., и датировка записки в академическом собрании «около (не ранее) 4 сентября 1831 г.» — пока наиболее достоверна; заметим в этой связи, что указанная Миллером дата третьего письма Пушкина, «5 сентября», как раз больше подходит ко второму.

Автограф позволяет уточнить в одном месте прежнее чтение текста: в публикуемой записке Пушкин везде, обращаясь к Миллеру, пишет «Вы» с заглавной буквы, но в последней фразе («преданный вам Прашур») ясно пишет строчное «в», подразумевая, быть может, что обращается не к одному Миллеру, а ко всему лицу («преданный вам»). Этот случай требует осмысления как пример возможной типичной ошибки при публикациях, где соседствуют обращения к одному и многим лицам.

Третье письмо Пушкина Миллеру (XIV, 225), по видимости, написано при обстоятельствах, сходных с прежними: Миллер прислал журнал «Московский телеграф», очевидно, вместе с запиской, и Пушкин тут же отвечает на первом попавшемся листке карандашом (полный, двой-

ной лист бумаги, безусловно того же типа, что и во втором письме, но без водяных знаков, со следами обрыва, сложенный конвертом; размер — 220×244 мм).

«Если есть в „Сыне Отечества” ответ Ф. Косичкину, то пришлите мне, сделайте милость. — Очень благодарен за „Телеграф”.

А. П.»

Адрес: «Милостивому Государю Г. Миллеру»

Ниже текста, рукою П. И. Миллера: «Получ[ено] 5-го Сентяб[ря] /31».

Выше уже отмечалось, что эта дата неплохо согласуется с содержанием второй записки Пушкина.

Так или иначе, но принятая датировка третьего письма «первой половиной сентября 1831 г.» пока представляется наиболее точной.

Четвертое письмо Пушкина П. И. Миллеру (XIV, 239) имеет немало черт сходства с первыми тремя: полулист бумаги (размером 226×177 мм); водяной знак фабрики наследников Попова, дата срезана — возможные ее пределы — от 1828 до 1831 г.¹⁴; по классификации Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, бумага № 43, 44 или 46; незапечатанный, сложенный вчетверо сразу после завершения письма, так что ясно видны, как и во втором письме, следы непросохших чернил; явные признаки близкого, почти непосредственного общения корреспондента и адресата.

«У меня взяли читать Повести. Пришлю вам их как скоро получу. До свидания.

А. П.»

Адрес: «М. Г. Г-у Миллеру»

Карандашный крестик, поставленный Миллером у слова «Повести», расшифрован им под текстом письма: «Повести Белкина».

На этом письме, единственном из четырех, отсутствует помета Миллера о времени его получения. Видимо, в этом случае адресат записки не понадеялся на свою память.

В академическом собрании письмо сопровождается датой «после 24 октября — начало ноября (?) 1831 г.»

Также «под вопросом» оставлено и место написания «Из Петербурга (?) в Царское Село». Между тем отмеченные особенности четвертого письма с большой вероятностью позволяют и его отнести ко времени пребывания Пушкина в Царском Селе. Точная дата переезда Пушкина в город не установлена, но 19 октября он был уже в столице и без успеха разыскивал дом, в котором происходила традиционная встреча лицейских. По Л. Б. Модзалевскому, Пушкин переехал в «самой середине октября»¹⁵.

Из воспоминаний Миллера также видно, что дело было до отъезда Пушкина в столицу: лишь после рассказа обо всем эпизоде, где поэт мистифицировал зашедшего к нему лицеиста, не признавшись, что Иван Петрович Белкин и Пушкин одно лицо, — лишь после этого Миллер сообщает: «В конце октября Александр Сергеевич переехал в Петербург...»

Исследователей смущает в этом эпизоде упоминание о «Повестях Белкина», лежавших на столе у Пушкина и примерно через неделю пришедших Миллеру. Время их выхода определялось (Н. Синявский, М. Цявловский) — «октября после 24, не позднее 27»¹⁶. «Верхняя дата», установленная на основании публикации Л. Б. Модзалевского, позже

уточнена: 23 (а не 24) октября 1831 г. цензор Н. Бутырский выдал «билет» на выпуск «Повестей Белкина»¹⁷.

Однако, как сообщила нам К. П. Богаевская, в «Библиографическом прибавлении к „Северной пчеле“» № XIII — «Книги, вышедшие с июля месяца по 15 октября 1831 года» (цензурное разрешение 29 ноября 1831 г.) «Повести Белкина» уже значатся (под № 21). В письме к П. В. Нащокину от 22 октября 1831 г. (то есть также до официальной даты выхода «Повестей Белкина») Пушкин сообщал: «Повести мои напечатаны; на днях получишь» (XIV, 237). Естественно, первые экземпляры тиража могли попасть к Пушкину до 23 октября, еще в Царском Селе. Если Миллер видел книгу незадолго от отъезда Пушкина, то «Повести», полученные им примерно через неделю, могли быть отправлены Пушкиным в двадцатых числах октября, что представляется вполне вероятным. Исходя из сказанного, последнее письмо Пушкина — Миллеру из Царского Села можно датировать **серединой (не позднее 18-го)**

II. Письма Бенкендорфу и Жуковскому. 1834 год

Миллер сохранил автографы четырех пушкинских писем, относящихся к попытке поэта летом 1834 г. выйти в отставку.

Письмо Пушкина — А. Х. Бенкендорфу от 3 июля 1834 г. (см. XV, 172) занимает первую страницу двойного листа (размером 261×206 мм, водяной знак фабрики Гончаровых — «А. Г. 1830», по классификации Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, бумага № 128. После даты, поставленной Пушкиным — «3 Juillet», — карандашом рукою П. И. Миллера дописано: «1834».

Письмо Пушкина — В. А. Жуковскому от 4 июля 1834 г. (см. XV, 173—174) — на двойном листе того же типа, что и предыдущее письмо. Текст занимает неполные две страницы, письмо было сложено в конверт и запечатано, лист 2 надорван на месте вскрытия печати. Адрес «В. А. Жуковскому» воспроизводился в предшествовавших публикациях.

Письмо Пушкина — А. Х. Бенкендорфу от 4 июля 1834 г. (см. XV, 174) — на бумаге того же типа, что и предыдущие два письма, текст — на двух страницах.

Письмо Пушкина — А. Х. Бенкендорфу от 6 июля 1834 г. (см. XV, 176) на трех страницах, бумага того же типа, что и в письмах, перечисленных выше. После даты, выставленной Пушкиным — «6 Juillet», — рукою Миллера карандашом приписано: «1834».

Разночтения:

Полн. собр. соч., т. XV, с. 176

строка 13 сн. Je n'avais en vue
que l'inconvéniant
строка 8 сн. auxquelles
строки 5—4 сн.: un sentiment
d'aigreur ne s'est mêle à ceux
que je lui ai voué

Автограф

Je n'avais en vu que l'incon-
venient
auquelles
un sentiment d'aigreur ne s'est
mêle à ceux que je lui ai voues

Все 4 письма были впервые опубликованы в 1861 г. в «Библиографических записках»¹⁸ (в публикации сначала были представлены три письма Пушкина Бенкендорфу, вслед за ними — письмо Жуковскому).

Monsieur le Comte

M'y a quelques jours que, par son bon vouloir
 de m'adresser à votre Excellence pour
 en obtenir la permission de m'occuper
 de votre lettre de recherche et de m'occuper
 de votre lettre de recherche, Monsieur le Comte
 ce me pas y donner de suite. J'ai ma
 main avec l'air d'être embarrassé
 que d'être occupé

Cependant un coup de quelques mois,
 me devant indispensable

Je suis avec respect
 Monsieur le Comte
 de votre Excellence
 votre humble et obéissant serviteur
 Alexandre Pouchkine

3 juillet

Письмо А. С. Пушкина к А. Х. Бенкендорфу. 3 июля 1834 г. Ф. 661.

Редакция «Библиографических записок» сопроводила публикацию примечанием: «Сообщением этих писем мы обязаны П. И. М-ру»¹⁹ (то есть Павлу Ивановичу Миллеру). Каждое из четырех писем сопровождалось в журнале не совсем обычным для практики тех лет, очень подробным описанием автографов, вплоть до указаний, как эти письма сложены и запечатаны и какие даты пояснены карандашной припиской²⁰. Возможно, это объяснялось исключительностью самой публикации: до этого тексты писем Пушкина к шефу жандармов в русской подцензурной печати не появлялись, и редакция весьма радикальных «Библиографических записок» нарочито подчеркивала подлинность, добротность своей публикации²¹.

Через 9 лет эти же письма еще раз опубликовал П. И. Бартнев, ссылаясь на автографы, сохранившиеся у сына В. А. Жуковского — П. В. Жуковского²². Однако легко заметить, что П. И. Бартнев располагал теми же самыми автографами, что и редакция «Библиографиче-

Вопрос о том, каким образом четыре важных письма Пушкина, относящиеся к его взаимоотношениям с высшей властью, оказались в руках П. И. Миллера, несомненно, связан с ролью в этом эпизоде секретаря шефа жандармов.

Как известно, конфликт 1834 г. начался с того, что письмо Пушкина к жене в Москву от 20 и 22 апреля 1834 г. (XV, 129—130) было перлюстрировано на московском почтамте. Пушкин узнал об этом обстоятельстве в начале мая 1834 г., как видно из известной его дневниковой записи:

«10 мая. Несколько дней тому назад получил я от Ж[уковского] записочку из Ц[арского] С[ела]. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что г[осударь] об нем ему говорил» (XII, 328—329).

Как видно из той же записи, прошло какое-то время, прежде чем Пушкин узнал, что речь идет не о каких-то «скверных стихах, исполненных отвратительного похабства», но что «московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный видимо слогом не официальным, донесла обо всем полиции». К моменту записи (10 мая) полиция «представила письмо государю», затем «письмо отдано было Жуковскому», которому удалось успокоить высочайших перлюстраторов. Пушкин занес далее в дневник гневные строки по поводу этой истории и позже несколько раз писал Наталье Николаевне о «скверном», «бесчестном», «свинском» вторжении властей в «тайну семейственных отношений» (см.: XV, 149, 150, 154, 156, 159, 162 и др.).

Между тем Жуковский был в этом случае, по-видимому, не единственным информатором Пушкина. Получив предупреждение о письме, которое «ходит по городу», Пушкин сумел узнать о роли московской полиции (точнее, московского почт-директора А. Я. Булгакова) еще из одного источника.

В 1880 г. об этом рассказал в печати Ф. М. Деларю, со слов своего отца М. Д. Деларю, лицеиста и поэта, хорошо знавшего Пушкина: «Письмо это было перехвачено в Москве почт-директором Булгаковым и отправлено в III отделение к графу Бенкендорфу. Секретарем Бенкендорфа был тогда Миллер, товарищ отца моего по Лицейскому пансиону. Граф передал ему письмо Пушкина, приказывая положить в портфель, с которым он отправлялся к докладу к государю. Миллер, благоговей сам перед талантом Пушкина и зная отношение к нему отца моего, тотчас же бросился к последнему и привез с собою письмо Александра Сергеевича, спрашивая, что ему теперь делать? Отец мой, ни минуты не колебавшийся в своем решении — во что бы то ни стало избавить Пушкина от угрожающей ему крупной неприятности и знавший рассеянность графа Бенкендорфа, взял у Миллера письмо, прочитал его и спрятал в карман. Миллер пришел в ужас и стал умолять отца возвратить ему письмо, но отец мой отвечал, что отдаст его только в таком случае, если Бенкендорф о нем напомнит Миллеру. При этом отец мой спросил Миллера, разве не случалось ему получать от графа целые ворохи бумаг с просьбой положить их в особый ящик стола и недели через две, при напоминании об этих бумагах со стороны секретаря, просить последнего бросить их в огонь?»

Миллер отвечал, что это даже часто случается. Следовательно, — возразил мой отец, — тебе нечего бояться.

Если бы, паче чаяния, Бенкендорф и вспомнил о письме, то ты ска-

жешь ему, что уничтожил его вместе с другими бумагами, согласно распоряжения его сиятельства. Миллер согласился на это, а отец мой немедленно отправился к Пушкину, чтобы сообщить ему о случившемся». Бенкендорф не вспомнил о письме²⁵.

Прочитав рассказ Ф. М. Деларю, Миллер опубликовал некоторые поправки и дополнения, сначала в газете «Новое время», а затем тот же текст — в «Русской старине». Препровождая 8 сентября 1880 г. свою статью Я. К. Гроту, Миллер сообщал: «Я в ней не исправляю неверностей и хронологических промахов Деларю, а возобновляю только факт в его настоящем виде. Меня одно смущает: не покажется ли это желанием с моей стороны похвастаться сделанной услугой?»²⁶.

Миллер в целом согласился с рассказом Деларю и тем самым признал свою особую роль в этой истории. Было также уточнено, что из Москвы в III отделение прислали не подлинник, а копию с письма Пушкина к жене, «отмеченную припискою: „с подлинным верно”». Бенкендорф положил копию не в портфель, а в «один из двух открытых ящиков, стоявших по обем сторонам его кресла перед письменным столом». Каждый ящик делился на три отдела, шеф жандармов часто клал полученные бумаги «не в тот отдел», и в конце концов поручил Миллеру «сортировать их каждый день и вынимать залежавшиеся». «Когда я увидел копию, — вспоминал Миллер, — в отделе бумаг, назначенных для доклада государю, у меня сердце дрогнуло при мысли о новой беде, грозившей нашему дорогому поэту. Я тут же переложил ее под бумаги в другой отдел ящика и поехал сказать М. Д. Деларю, моему товарищу по Лицею, чтоб он немедленно дал знать об этом Пушкину на всякий случай. Расчет мой на забывчивость графа оказался верен: о копии уже не было речи, и я через несколько дней вынул ее из ящика вместе с другими залежавшимися бумагами»²⁷.

Возможно, Миллер не сообщил всего; не исключено, что была еще одна копия с того же письма, которая все же дошла к Николаю I, а затем и к Жуковскому. Однако известный эпизод этот важен для наших рассуждений, так как, между прочим, открывает те немалые возможности, которыми располагал П. И. Миллер в отношении бумаг своего шефа. Вероятно, Миллер еще раз подобным же образом воспользовался своим положением на новой стадии конфликта Пушкина с властью.

25 июня 1834 г. Пушкин отправил Бенкендорфу прошение об отставке, что, естественно, было связано с историей перлюстрации семейного письма²⁸. Возникла переписка, начались новые хлопоты Жуковского о примирении Пушкина с «верхами», закончившиеся тем, что Пушкин взял свое прошение обратно.

История движения главных документов в этом эпизоде видна из переписки Пушкина с Жуковским: 3 июля, в тот день, когда Пушкин написал первое письмо Бенкендорфу с просьбой считать его отставку недействительной (первое письмо из четырех, попавших к Миллеру), Жуковский из Царского Села (где находился двор) не только заклинал Пушкина смириться (письмо от 3 июля 1834 г.; XV, 172—173), но в свое послание вложил на отдельном листке автокопию основной его части, поясняя: «Может быть, захочешь показать Бенкендорфу письмо мое. Вот экземпляр без галиматши» (XV, 173).

Пушкин не пошел к Бенкендорфу с листком Жуковского, но 4 июля написал — очевидно, одно за другим — два письма (оказавшиеся позже в бумагах Миллера). Одно — Жуковскому, составленное без всяких «лишних рассуждений», так что его можно было показать шефу жандар-

мов и царю; другое — к Бенкендорфу: новое прошение об оставлении на службе.

Через день, 6 июля, Жуковский послал Пушкину с нарочным новый «выговор»: «Бенкендорф прислал мне твои письма, и первое и последнее. В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы все осталось по-старому, так сухо, что оно может показаться государю новой неприличностью». Призывая Пушкина писать прямо к царю «то, что скажет сердце», Жуковский сообщал между прочим: «оба последние письма твои теперь у меня; несу их через несколько минут к Бенкендорфу, но буду просить его погодить их показывать». Свою посредническую роль Жуковский подчеркнул еще раз в конце письма: «Пришли мне копию с того, что напишешь; хоть вероятно мне покажут. — Посылаю это письмо с нарочным. Ты же пришли с ним и письмо. Может случиться, однако, что Бенкендорф в промежутке этого времени уедет в Петербург, то всего вернее отослать письмо немедленно к нему на дом. Объяснимся (ведь ты глуп): ты прилетишь мне свое письмо с моим посланным и тотчас пошлешь узнать, приехал ли Бенкендорф. Если он уже приехал, то напишешь ему другой экземпляр письма и тотчас пошлешь к нему на дом; я же, получив твое письмо, тогда оставлю оное у себя. Всего важнее, не упустить время» (XV, 175).

Пушкин ответил Жуковскому в тот же день, 6 июля, очевидно, через посредство нарочного, довольно резким письмом, недоумевая, в чем собственно состоит его вина: «Отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем <...> не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье» (XV, 176).

С тем же нарочным (как просил Жуковский) скорее всего и было отправлено третье в этой истории послание Пушкина к Бенкендорфу от 6 июля 1834 г. (хронологически последнее из соответствующих автографов, попавших к Миллеру).

Таким образом, 6 июля в распоряжении Жуковского на какое-то время оказалось пять пушкинских объяснений: три письма Пушкина к Бенкендорфу (от 3, 4 и 6 июля) и два письма Пушкина к самому Жуковскому (от 3 и 6 июля). Последнее из них, ввиду откровенности чувств, высказанных писавшим по поводу всей этой истории, Жуковский, конечно, скрыл подальше от царя и шефа жандармов; остальные же четыре письма были переданы Бенкендорфу: три — как ему адресованные, а письмо Пушкина Жуковскому от 4 июля — как доказательство «искренного раскаяния» автора.

При передаче писем шефу жандармов Миллер, понятно, играл свою роль. Скорее всего именно ему Жуковский и вручил всю переписку для передачи начальнику. Нам невозможно угадать все детали дальнейшего перемещения и использования этого комплекса из четырех писем Пушкина. Видимо, Бенкендорф представил письма Николаю I, а тот затем вернул их шефу жандармов: в докладной записке Бенкендорфа по поводу всей этой истории упоминаются письма Пушкина от 3 июля (шефу жандармов) и от 4 июля (Жуковскому). Однако при любом варианте чтения и обсуждения во дворце представленного туда комплекса из четырех посланий — в конце концов они должны были попасть к Миллеру, для окончательного канцелярского решения (подшить к делам, вернуть и уничтожить и т. п.).

Вообще из 58 писем Пушкина к Бенкендорфу за период с 1826 по 1836 г. большая часть, сразу после получения, была подшита к специальному делу, заведенному III отделением в 1826 году — «О дозволении сочинителю Пушкину въезжать в столицу. Тут же об издаваемых им сочинениях и переписке с ним по разным предметам»²⁹.

Именно к этому секретному делу было присоединено первоначальное пушкинское прошение об отставке, 25 июня 1834 г.³⁰ Однако следующим пушкинским письмом, оказавшимся в деле, стало только послание к шефу жандармов от 23 ноября 1834 г.³¹ Вся июльская переписка по поводу взятия отставки обратно здесь никак не отразилась.

Вполне вероятно, что в этом случае (как и в истории с перлюстрированным письмом Пушкина к жене) Миллер воспользовался рассеянностью своего начальника и «забыл» занести письма в секретное дело; впрочем, письмо Пушкина к Жуковскому следовало, очевидно, вернуть владельцу. Не исключено, что именно присутствие этого документа, не подлежащего «подшиванию», повлияло на особую судьбу всего комплекса — четырех писем, — способствовало их выделению из общего жандармского делопроизводства и последующей инициативе П. И. Миллера.

Любопытно, что, извлекая бумаги Пушкина из жандармских дел, П. И. Миллер был не первым на этом поприще. Он имел предшественника — А. А. Ивановского. В то время как почти все письма Пушкина к Бенкендорфу были в разное время опубликованы по упомянутому выше делу из секретного архива III отделения³², письмо от 21 апреля 1828 г. было напечатано в 1874 г. по тексту, сохраненному А. А. Ивановским³³. Лишь в конце 1880-х гг. подлинник этого письма был обнаружен среди бумаг А. А. Ивановского, служившего в середине 1820-х гг. в Следственном комитете по делу декабристов, а в конце 1820-х гг. — в III отделении. Ивановский имел доступ к секретным архивам и так же, как Миллер, стремился извлечь оттуда и сохранить при себе материалы, относящиеся к знаменитым русским литераторам³⁴.

III. «Замечания о бунте»

Самым большим из поступивших автографов, сохраненных Миллером, является сочинение, напечатанное в академическом собрании под названием «Замечания о бунте». (Пушкинское наименование этой работы в тексте отсутствует).

Беловой пушкинский автограф представляет собой пять вложенных друг в друга двойных листов (водяной знак «А. Г. 1834», бумага, по классификации Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, № 155; размеры 206×257 мм).

Из двадцати имеющихся страниц текст занимает неполных семнадцать. Последние два абзаца (от слов: «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым...» ср.: IX, 375—376) написаны иными чернилами, нежели остальной текст. Страницы пронумерованы карандашом (возможно, рукою П. И. Миллера). Основной текст этой работы напечатан в академическом издании сочинений Пушкина (IX, 369—376) по копии Н. В. Пугачева, в целом довольно точной, однако имеющей некоторые разночтения с беловым автографом.

Полн. собр. соч., т. IX.

с. 371

- строка 1 св. Самозванец
 » 1 св. принявший
 » 7 св. отец? —
 » 10 св. воззвание
 » 10 и 5 сн. Нащокин

с. 372

- строка 2 св. камер-лакеем
 » 11 св. Волхонскому
 » 12 св. благородное собрание

с. 373

- строка 11 св. вешавшим женщин и детей.
 » 5 сн. мучений! Остальных человек до тысячи

с. 374

- строка 9 св. и пр.
 » 12 св. кронштадского
 » 9 сн. с крестом

с. 375

- строка 2 св. было велено
 » 6 сн. Деморан

с. 376

- строка 1 св. <мятежники избрали средства самые> надежные и действительные к своей цели
 » 3 св. Нет зла без добра
 ра
 » 7—8 св. сообщение всех частей Государства сделалось

Беловой автограф

(в скобках указываются страницы)

- самозванец (1)
 принявший (1)
 Отец? (1)
 воззвание (1)
 Нащокин (2, в других случаях — Нащокин)

- камер-лакеем (3)
 Волхонскому (4)³⁵
 Благородное собрание (4)

- вешавшим женщин и детей! (8)
 мучений. Остальных, человек до тысячи, (9)

- и проч. (11)
 кронштадского (11)
 со крестом (12)³⁶

- велено было (13)
 Деморин (16)³⁷

- мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели (16)³⁸
 Нет худа без добра (17)³⁹

- Сообщение всех частей Государства сделалось (17)

Кроме того, нумерация примечаний (от 1 до 19), заключенная в издании в угловые скобки, как условная, действительно внесена в рукопись рукой Пушкина. В издании иное употребление во многих местах знака тире, чем в автографе.

Наконец, надо заметить, что, обозначая в начале каждого примечания страницу своей «Истории Пугачевского бунта», Пушкин в примечаниях 1—3 писал слово «страница» полностью, затем ввел сокращение «стран.» К примечаниям 5 и 12 Пушкин, очевидно, первоначально забыл указать соответствующие страницы своей книги и лишь позже вписал — «стран. 34» и «стран. 84».

Также вписано поверх строки пропущенное слово «день» (ср.: IX, 372, строка 34 — «На другой день Александр Ильич узнает...»)

Примечания къ Исторіи Пугачевскаго
бунта, написанныя А. С. Пушкинымъ,

(они не предназначались для печати, а были
представлены Государю.)

на семнадцати страницахъ.

Получил их от А. С. в 1836 году.

П. Миллеръ.

Обложка рукописи «Замечания о бунте» с надписью П. И. Миллера. Ф. 661.

Кроме отмеченной нумерации страниц, текст Пушкина сопровождается пометами и примечаниями, не принадлежащими автору:

1. Рукопись Пушкина вложена в двойной лист без водяных знаков, на котором рукою П. И. Миллера чернилами написано:

«Примечания к Исторіи Пугачевскаго бунта, написанные А. С. Пушкиным (они не предназначались для печати, а были представлены государю)

на семнадцати страницах

Получил их от А[лександр]а С[ергееви]ча в 1836 году

П. Миллер»

(анализ этой записи будет произведен позже).

2. Отмеченное в академическом собрании (IX, 374) исправление («архимандрит» вместо ошибочного «митрополит») действительно

имеется в автографе; оно сделано карандашом поверх слова «митрополит» и принадлежит, по-видимому, П. И. Миллеру⁴⁰.

3. Ряд разделов автографа отчеркнут на полях карандашом: так выделены десять пушкинских «Замечаний» (4, 6, 7, 9, 11, 12, 14, 17, 18, 19), а также два последних абзаца заключительных «Общих замечаний» Пушкина. Не исключена принадлежность этих отчеркиваний Николаю I.

Текстология и история этой важной пушкинской работы разработаны сравнительно мало, что, вероятно, объясняется длительным отсутствием в руках исследователей подлинной рукописи.

Первое упоминание о «Замечаниях» находится в письме Пушкина к Бенкендорфу от 23 ноября 1834 г. Сообщив о том, что «История Пугачевского бунта» отпечатана, Пушкин просил разрешения представить первый экземпляр книги царю, «присовокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать, но которые могут быть любопытны для его величества» (XV, 201).

4 декабря 1834 г. А. Н. Мордвинов отвечал Пушкину, что его просьба доложена царю, «и его величество соизволил отозваться, что изволит назначить время, в которое угодно будет его величеству Вас принять» (XV, 202).

Надо думать, что в этот период «Замечания» уже были Пушкиным составлены в том виде, как они известны теперь (то есть с отсылкой к страницам первого издания «Истории Пугачевского бунта»). Работа, очевидно, была закончена незадолго до 23 ноября 1834 г., вскоре после того, как в руки Пушкина попал первый отпечатанный экземпляр книги⁴¹.

Около 28 декабря 1834 г.⁴² «История Пугачевского бунта» поступила в продажу; между тем обещанной аудиенции автор все не получал.

Придавая большое значение своим «Замечаниям» как для дальнейшей своей работы, так и для определенного воздействия на Николая I, Пушкин не стал более дожидаться и переслал рукопись царю при известном письме к Бенкендорфу от 26 января 1835 г. (XVI, 7—8). «Честь имею препроводить к Вашему сиятельству, — писал Пушкин, — некоторые замечания, которые не могли войти в Историю Пугачевского бунта, но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволении представить оные государю императору и имел счастье получить на то высочайшее соизволение» (XVI, 7). Письмо это написано, между прочим, на бумаге совершенно того же типа, что и сами «Замечания», и как бы составляло «введение» к ним.

Пушкин в двух письмах к Бенкендорфу называет свой труд «замечаниями». Заглавие «Замечания о бунте», как известно, сохранилось и на обложке отрывков черновой редакции этого сочинения (см. IX, 799). Название, присутствующее на обложке Миллера — «Примечания...», не может пока перевесить трехкратное употребление слова «Замечания...» самим Пушкиным.

Сообщение царю своих «Замечаний» Пушкин связывал с другой просьбой, содержащейся в том же послании Бенкендорфу от 26 января 1835 г., — «о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве».

Представляя Николаю I некоторые материалы «не для печати», Пушкин как бы доказывал тем свою «благонадежность» и право на ознакомление с другими, секретными материалами, «если не для печати».

то, по крайней мере, для полноты моего труда, без того несовершенного, и для успокоения исторической моей совести» (XVI, 8).

Таким образом, происхождение рукописи «Замечаний» связано с далеко задуманным пушкинским планом — получить доступ к секретным, закрытым архивохранилищам, где сосредоточивались материалы о последних периодах российской истории.

На указанном письме Пушкина имеется помета рукою Бенкендорфа, удостоверяющая получение рукописи царем: «Государь принял и велел его благодарить; позволяет Пушкину читать все дело и просит сделать выписки для государя, дать знать где следует, должно быть Министру Юстиции» (XVI, 279). Помета Бенкендорфа сопровождается датой — 29 января 1835 г.

Дальнейшая судьба автографа, переданного царю, не очень ясна. Согласно цитированной записи Миллера, сам Пушкин подарил ему рукопись в 1836 г., то есть не меньше чем через год после прочтения ее царем. Заметим, что никакой беловой автокопии «Замечаний» не сохранилось, и нужно понять, почему Пушкин, очень бережно относившийся к своим рукописям, вдруг подарил Миллеру беловой автограф столь серьезного документа? Трудно предположить, будто Миллер «маскировал» ссылкой на Пушкина тот факт, что он просто сам забрал автограф из бумаг Бенкендорфа: в других случаях он ведь не скрывал подобные свои действия.

Куда легче объяснить этот дар, если иметь в виду какое-то отношение Миллера к движению самой рукописи.

Прочитав «Замечания», царь мог оставить их у себя (как это было, например, с пушкинской запиской «О народном воспитании») или вернуть. Никаких следов другого белового автографа пушкинских «Замечаний» не обнаруживается ни в одном архиве. Очевидно, работа была возвращена, а карандашные отчеркивания на полях, возможно, свидетельствовали об интересе, который вызвали у Николая I соответствующие тексты. Обратное движение «Замечаний» шло, очевидно, тем же порядком, как и в других подобных случаях: переданное через Бенкендорфа — через него же и возвращалось. Мы не знаем, когда вернулась рукопись. Может быть, она «залежалась» и только в 1836 г., благодаря усилиям Миллера, была извлечена из бумаг шефа жандармов? Не надеясь угадать все детали, можно, однако, допустить, что Миллер имел определенное касательство к возвращению автографа.

Сам факт такого пушкинского подарка Миллеру, конечно, удивляет и как будто свидетельствует об их близких отношениях в 1835—1836 гг. Однако не следует забывать, что Пушкин помнил об услуге, оказанной ему Миллером в 1834 г., и по одной этой причине мог пойти навстречу просьбам или намекам бывшего лицеиста и влиятельного чиновника. К сожалению, напечатанные в «Русском архиве» и «Русской старине» воспоминания Миллера о знакомстве с Пушкиным ограничиваются 1831 и 1834 гг. и ни словом не касаются последующих лет. Не является ли это умолчание, в сопоставлении с записью о «подарке 1836 года», доводом в пользу каких-то секретных, не подлежащих оглашению контактов Пушкина и Миллера?

Таким образом, автограф совершил в первые годы некоторое путешествие, побывав, кроме Пушкина, в руках только трех лиц: Бенкендорфа, Николая I и Миллера.

Это соображение, кажется, подкрепляет гипотезу о царских пометах на полях: Бенкендорфу это было ни к чему; Миллер вряд ли стал

1.
Справка № 16. Мухомовъ Гаврило убо адвонкатъ
 самостранноу, притворилъ на иди мидъ на-
 грамота Мухомовъ на ментко въ про-
 стовид. на ругъ по и въ вѣнскыя само
 вѣстъ изъяснителю ментко что бунто
 Голубовъ зветъ и называетъ въ саконче-
 нѣхъ. Сынъ Бунтовъ Гаврило Мухомовъ
 Гаврило Мухомовъ, сынъ Гаврило Мухомовъ
 Мухомовъ по вѣнскыя на Мухомовъ Мухомовъ
 Мухомовъ Голубовъ Гаврило Мухомовъ Гаврило
 Мухомовъ на иди Мухомовъ?

2.
Справка № 17. Мухомовъ Гаврило Мухомовъ
 Мухомовъ Мухомовъ Мухомовъ Мухомовъ.

3.
Справка № 18. Мухомовъ Мухомовъ Мухомовъ
 Мухомовъ Мухомовъ Мухомовъ Мухомовъ.

А. С. Пушкин. Замечания о бунте, с 1. Ф. 661.

бы делать отчеркивания, тем самым как-то «соотнося» себя с Пушкиным; если бы пометы сделал кто-либо из поздних читателей, владелец, вероятно, постарался бы их снять; отчеркивания не могут быть и указанием для наборщиков, так как неизвестна да и невозможна была бы публикация помеченных десяти отрывков без девяти других (в ряде случаев ничуть не менее «опасных» в цензурном смысле, чем отчеркнутые).

Наиболее вероятным «читателем с карандашом» представляется Николай I. Правда, Николай I обычно сопровождал свои отчеркивания замечаниями на полях, знаками вопроса, NB и т. п.⁴³, но в данном случае он мог этого не делать, поскольку представленное сочинение не предназначалось для печати⁴⁴.

Самозванец? Меркантиль? Милитарь? —
 — Это гонимый восточный род Арабский
 Мурабата, но по сравнению с тем же
 китом, не имеет ни признаков ни
 Восточного ни то существа.

16.

1838. Молодой Мурабатский бунт
 в связи с делом старика Калашника
 Губернатора.

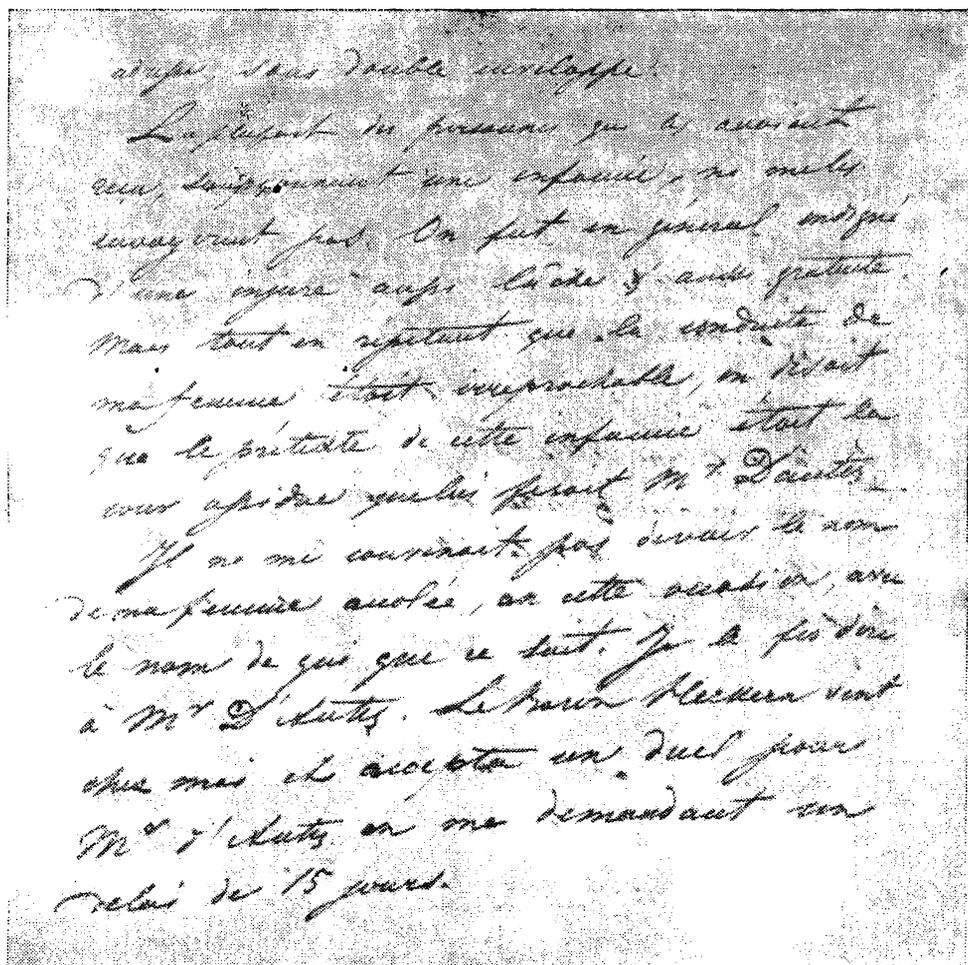
17, список 145

В Саранск, ^{Александров} Александров
 принял Мурабата со стороны и Уманского
 и восточного миссионера, как единичный
 уполномоченный Государства Империи
 Александровский приказ бунт Губернатор-
 ского суда, в Калаш. 18 октября 1874
 года в полдень прибыть на бунт

А. С. Пушкин. Замечания о бунте, с. 12. Ф 661.

Не вызывает сомнений, что Пушкин придавал своим «Замечаниям» большое политическое значение. В тех редких случаях, когда имелась возможность представить царю не предназначенные для печати и поэтому достаточно откровенные суждения, он тщательно обдумывал наиболее эффективные пути прямого воздействия, доведения важных мыслей до сознания самодержца. Так, при подаче в 1826 г. записки «О народном воспитании» Пушкин исходил из принципа, который позже изложил А. Н. Вульф: «Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро»⁴⁵.

Несомненна большая подготовительная работа, предшествовавшая отсылке «Замечаний о бунте». Красноречивое свидетельство тому —

Разночтения:

Полн. собр. соч., т. XVI

Автограф

с. 191

строка 9 сн.

J'alai

J'allais

» 5—6 сн.

La plupart des personnes
qui les avaient reçuesLa plupart des personnes
qui les avaient reçu

» 4 сн.

aussi gratuite; mais

aussi gratuite. Mais

с. 192

строка 1 сн.

le nom de ma femme
accolléle nom de ma femme
accolée

» 3 сн.

Le baron de Heckern

Le baron Heckern

» 6 сн.

M-elle Gontcharoff

M-lle Gontcharof

» 13 сн.

par conséquent

par conséquent

» 14 сн.

je ne peux

je ne puis

» 16 сн.

Monsieur le comte

Monsieur le Comte

Подпись:

A. Pouchkine

Alexandre Pouchkine

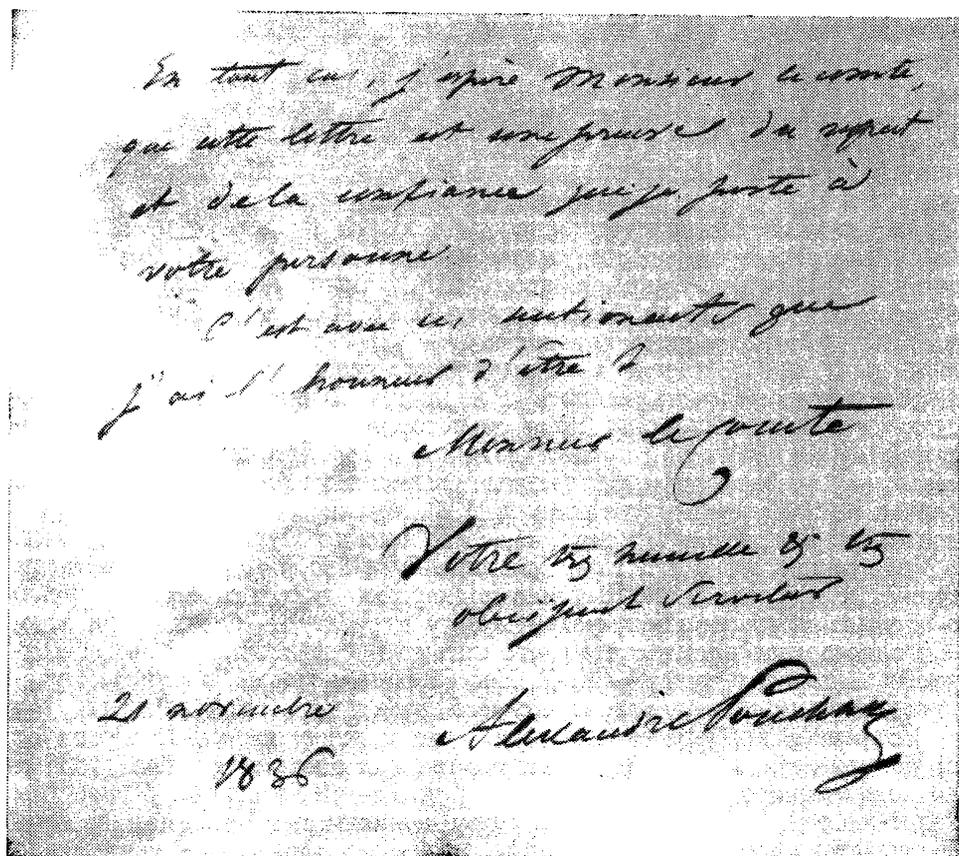
Il se trouve que dans l'intervalle accordé, M^r d'Auty devint amoureux d'une belle jeune fille Gontcharoff et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je lui demandai à M^r d'Arbacia (le oncle de M^r d'Auty) que ma provocation fut regardée comme non avenue.

En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de Mr Hecker, ce dont je meis de mon devoir d'avertir le journal et la Société.

Étant seul juge et gardien de mon honneur & de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice ni vengeance, je ne puis ni avoir l'air à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

Большая часть разночтений связана с мелкими неточностями, описками Пушкина и последующих копиистов. Лишь последние две подробности — полное написание «Monsieur» в обращении к Бенкендорфу и полное написание имени автора «Alexandre» — подчеркивают особую инвективную тональность послания, рассчитанную, вероятно, на широкий круг читателей в случае распространения списков документа: в письме говорится (в связи с ролью Геккеря в написании анонимных писем) о стремлении Пушкина этот факт «довести до сведения правительства и общества» (см. XVI, 192; перевод — XVI, 398).

У верхнего края первой страницы письма находится несколько стершаяся карандашная запись рукою П. И. Миллера: «Найдено в бумагах А. С. Пушкина и доставлено графу Бенкендорфу 11 февраля 1837 года». Ни в этой записи, ни в автографе нет прямого указания, что адресат письма — именно Бенкендорф. Однако, кроме содержания документа, достаточно веским является авторитетное свидетельство

Миллера, находящееся в его упоминавшейся уже Записке о гибели Пушкина (см. ниже и в Приложении).

История этого письма для исследователей преддуэльных месяцев, понятно, очень важна. Автограф его разыскивали многие пушкинисты. П. Е. Щеголев констатировал, что «в секретном досье III отделения такого письма к Бенкендорфу не оказалось»⁵⁷. В бумагах Пушкина сохранились лишь фрагменты черновика (XVI, 265—266).

Между тем очень скоро после смерти Пушкина довольно точный текст этого письма распространился в составе особого рукописного сборника материалов, касающихся дуэли и смерти Пушкина⁵⁸. Среди 12 (иногда 13) документов, составивших названный сборник, письмо Бенкендорфу неизменно помещалось на втором месте (после текста анонимного диплома-пасквиля), часто под заглавием «Письмо Пушкина, адресованное, кажется, графу Бенкендорфу».

Самый ранний из известных нам списков этого послания через 17 дней после кончины поэта, 14 февраля 1837 г., был приложен к письму П. А. Вяземского великому князю Михаилу Павловичу⁵⁹. После многолетнего рукописного хождения «дуэльного сборника» (и в составе его — копии письма Пушкина к Бенкендорфу) все эти документы попали в печать: в 1861 г. 12 документов сборника появились (на русском языке) в бесцензурной «Полярной звезде» Герцена и Огарева⁶⁰; через два года, в 1863 г., А. Аммосов напечатал в России большую часть

дуэльных материалов, в том числе письмо к Бенкендорфу (по-французски и в переводе, несколько отличающемся от текста «Полярной звезды») ⁶¹. Слово «подлинник», помещенное у заглавия письма в этой книге породило ошибочное мнение, будто в руках А. Аммосова был автограф письма ⁶². Однако из текста книги видно, что Аммосов употреблял термин «подлинник», имея в виду подлинные, французские тексты документов, в отличие от русского перевода. Заметим также, что текст в книге, Аммосова (источник последующих публикаций письма к Бенкендорфу) имеет некоторые отмеченные выше разночтения с автографом. Кроме того, автор книги и его информатор (К. К. Данзас) находились в Петербурге, в то время как владелец автографа П. И. Миллер жил в Москве, и об их контактах ничего не известно.

После 1863 г. письмо к Бенкендорфу неоднократно и без особых комментариев перепечатывалось в изданиях сочинений и биографических материалов Пушкина, пока об истории этого документа не заговорил журнал «Русский архив»: дважды, в 1888 и 1902 гг., П. И. Бартнев опубликовал почти одинаковые сведения о письме ⁶³. Ссылаясь на П. А. и В. Ф. Вяземских, а также на П. И. Миллера (к тому времени уже покойных), Бартнев сообщал, что это письмо Пушкин не отправил.

Не вникая пока в детали сообщений П. И. Бартнева, заметим только, что позже П. Е. Щеголев поддержал в общих чертах версию о письме, не дошедшем к фактическому адресату — царю. При этом Щеголев долгое время считал, что письмо предназначалось не Бенкендорфу, а другому графу — К. В. Нессельроде, который, по мнению ученого, документ «скрыл в тайнике своего стола и не дал ходу» ⁶⁴.

Бартнев и Щеголев полагали, что важное письмо Пушкина от 21 ноября не попало к Николаю I, так как с конца ноября 1836 г. до конца января 1837 г. власть как будто бездействовала: неизвестны какие-либо секретные розыски в связи с анонимными письмами и другие действия царя и Бенкендорфа, которые, казалось, непременно должны были последовать, если бы письмо от 21 ноября пришло по адресу.

Однако вслед за тем Щеголев установил по камер-фурьерскому журналу, что 23 ноября 1836 г., то есть через день после написания изучаемого письма, царь дал Пушкину аудиенцию в присутствии Бенкендорфа ⁶⁵.

Подобная аудиенция была весьма исключительным явлением (вспомним, что царь несколько месяцев не принимал и в конце концов так и не принял Пушкина в связи с «Замечаниями о бунте»). Случайное совпадение двух фактов — письмо от 21 ноября и аудиенция 23-го — казалось крайне маловероятным и вскоре в пушкиноведении утвердилось мнение, будто письмо к Бенкендорфу Пушкин послал, и следствием этого была аудиенция у Николая I ⁶⁶. Более 40 лет во всех дискуссиях о последних месяцах жизни Пушкина всеми участниками, кажется, принималось, что письмо 21 ноября было отослано, и выдвигались различные гипотезы, объяснявшие влияние этого фактора на последующие события.

Обретенный ныне автограф и сопровождающая его запись Миллера сильно укрепляют, однако, самую раннюю версию — о **неотосланном письме** Пушкина к Бенкендорфу.

Еще одно свидетельство об этом находится в черновой записке, посвященной истории гибели Пушкина: «Письмо к гр. Бенкендорфу он не послал, — писал Миллер о Пушкине, — а оно найдено было в его

бумагах после его смерти, переписанное и вложенное в конверт для отсылки».

Остановимся на этой проблеме подробнее.

К примечанию Миллера на письме Пушкина следует отнести с доверием: вряд ли его можно подвергать сомнению, основываясь на неточности дат, которыми Миллер сопроводил пушкинские письма 1831 г. Гибель поэта, несомненно, потрясла его доброжелателя и почитателя. События тех дней, к которым Миллер оказался причастным, навсегда остались в его памяти. Отмеченная на пушкинском письме дата доставки его к шефу жандармов «11 февраля 1837 года» весьма подходит для описываемой ситуации. Как известно, в феврале 1837 г. на квартире В. А. Жуковского, куда были доставлены бумаги Пушкина, происходил их «разбор». Судя по «Журналу», который сопровождал всю эту процедуру, в течение 9 и 10 февраля 1837 г. бумаги Пушкина были разделены на 36 категорий, среди которых под № 12 значатся «Письма Пушкина», а под № 8 «Бумаги генерал-адъютанта гр. Бенкендорфа»⁶⁷.

Вероятно, письмо от 21 ноября должно было попасть в одну из двух этих категорий, причем документ, выявленный 10 февраля, естественно попадает к шефу жандармов 11-го (согласно «Журналу», 11 и 12 февраля 1837 г. разборка бумаг заключалась уже в чтении писем князя Вяземского)⁶⁸.

Разбор пушкинских бумаг, как известно, производился жандармским генералом Л. В. Дубельтом и В. А. Жуковским, но, вероятно, кроме того, в «посмертном обыске» участвовали и менее важные лица: опись всем материалам, представленная царю, была составлена писарем⁶⁹, о кабинете Пушкина сообщалось, что он был распечатан «в присутствии действительного статского советника Жуковского и генерал-майора Дубельта»⁷⁰, то есть, очевидно, не сами «присутствующие» снимали печати и т. п. В записке Миллера не сказано, кем было взято письмо из бумаг Пушкина. Однако рано или поздно, особенно после того, как шеф жандармов ознакомился с документом, он едва ли мог миновать Миллера.

Невидимое присутствие Бенкендорфа при «посмертном обыске» не требует особого объяснения. 6 февраля 1837 г. шеф жандармов писал Жуковскому: «Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия принимается отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы. По прочтении этих бумаг, ежели таковые найдутся, они будут немедленно преданы огню в Вашем присутствии»⁷¹.

Между тем уже с первых дней разбора пушкинских бумаг часть их отправлялась к Бенкендорфу и не возвращалась, хотя в «Журнале» это не фиксировалось. Так, 13 февраля 1837 г. Бенкендорф через генерала Апраксина отправил в Военно-судную комиссию «найденные между бумагами покойного камер-юнкера А. С. Пушкина письмо, записки и билет < . . > могущие служить руководством и объяснением к делу Судной комиссии»⁷².

Также были изъяты и переданы в III отделение письма о несостоявшейся дуэли Пушкина с В. А. Соллогубом⁷³.

Заметим, что документы о дуэли Бенкендорф отослал в Военно-

судную комиссию 13 февраля — очевидно, после предварительного просмотра в предшествующие дни.

Таким образом, изъятие письма Бенкендорфу из пушкинских бумаг, передача его шефу жандармов 11 февраля 1837 г. и последующее «исчезновение» — все это представляется эпизодом вполне возможным и даже типичным для «посмертного обыска».

Приняв, что письмо от 21 ноября действительно найдено в бумагах Пушкина после его смерти, мы должны пересмотреть некоторые сложившиеся представления о предшествующей судьбе этого документа. Можно, конечно, допустить, что 21 ноября 1836 г. Пушкин письмо все же послал, а себе оставил автокопию, которую и нашли при разборе бумаг. Однако ни в бумагах Бенкендорфа, ни в архивах царствующей фамилии этого послания, как известно, не обнаружилось. Миллер, несомненно, был убежден, что у него единственный экземпляр послания (это отмечено в его записке о гибели Пушкина). Трудно представить, чтобы о письме Пушкина, отосланном 21 ноября 1836 г. шефу жандармов, ничего бы не знал его личный секретарь.

Разумеется, при обсуждении такого рода проблем исследователи всегда вынуждены выносить суждения с большей или меньшей долей вероятности, но в данном случае совокупность фактов ведет к тому, что 21 ноября 1836 г. **Пушкин письмо Бенкендорфу (царю) написал, но не отослал.**

Разумеется, это в высшей степени важный факт для осмысления душевного состояния поэта в тяжелые преддуэльные месяцы.

Приняв положение о неотосланном письме, постараемся восстановить его историю с ноября 1836 по февраль 1837 г.

Около 21 ноября 1836 г. первый вызов Дантесу уже взят обратно, но Пушкин стремится свести счеты с Геккерном. Именно 21 ноября, согласно точным воспоминаниям В. Соллогуба, Пушкин прочел ему страшное, оскорбительное письмо голландскому посланнику, реконструируемое ныне по сохранившимся его клочкам (XVI, 189—191)⁷⁴. Письмо датируется 17—21 ноября 1836 г., но скорее всего оно было составлено в конце указанного четырехдневного периода. Существовала несомненная связь между посланием к Геккерну и рассматриваемым письмом к Бенкендорфу. Последнее написано под впечатлением тех же фактов, в том же настроении, что и первое (клочки письма к Геккерну, между прочим, в основном — на той же бумаге «№ 250», что и письмо к Бенкендорфу).

У нас нет сомнения, что письмо Геккерну, написанное около 21 ноября, послано не было. Теперь мы видим, что и соответствующее ему письмо шефу жандармов тоже осталось у Пушкина. В этой общности судеб связанных друг с другом писем можно увидеть определенную закономерность.

Около 21 ноября Пушкин готовил какую-то необычайную месть Геккерну. П. Е. Щеголев писал об этом пушкинском замысле: «Может быть, план был таков, как рассказывает граф Соллогуб⁷⁵, может быть нет»⁷⁶ и справедливо связал с этим планом пушкинское письмо к Бенкендорфу (21 ноября). В строках — «Я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества» — вероятно, скрыта формула предполагавшейся страшной мести: до сведения правительства факт мог быть доведен письмом Бенкендорфу; до сведения общества — письмом Геккерну; заметим, что Пушкин, прочитав

последнее Соллогубу, уже тем самым начал осведомлять общество.

В случае одновременной посылки обоих посланий Геккерн и Дантес оказались бы в очень трудном положении. Их компрометация была бы осуществлена с двух сторон одновременно.

В письме Бенкендорфу есть как будто намек на возможную ситуацию, которая образуется после отсылки двух писем (дуэль неминуема, и осведомленная власть может вмешаться): «Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю».

«Не могу . . .» и «не хочу. . .» означает здесь нежелание Пушкина, чтобы власть заменила свою местью его месть; и в то же время он «считает долгом» сообщить царю о случившемся.

Любопытно, что и Миллер отмечал связь двух ноябрьских писем. В записке о гибели Пушкина Миллер рассуждает о действиях Дантеса и Геккерна в ноябре 1836 г. и, между прочим, пишет: «Пушкин тогда же решился ошельмовать их и написал два письма: одно к гр. Бенкендорфу, в котором излагал все обстоятельства, а другое, к барону Геккерну, в котором нещадно отхлестал Геккерна и Дантеса». Затем следует текст письма Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. и письма Геккерну от 26 января 1837 г. (без указания даты). Здесь Миллер, очевидно, смешивает два письма Пушкина Геккерну: первое, ноябрьское, неотосланное, и второе, январское, за которым последовала дуэль. Как известно, смешением этих двух документов грешили долгое время также и исследователи биографии Пушкина⁷⁷; ошибка же Миллера, вероятно, связана и с некоторыми обстоятельствами «посмертного обыска», о чем будет сказано ниже.

Мы, в сущности, не знаем — почему Пушкин не отправил два приготовленных послания Геккерну и Бенкендорфу? Соллогуб рассказывал, что, узнав (21 ноября 1836 г.) о письме Пушкина Геккерну, он предупредил Жуковского. «Жуковский испугался и обещал остановить отсылку письма. Действительно, это ему удалось; через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил и письмо послано не будет. Пушкин точно не отсылал письма, но сберег его у себя на всякий случай!»⁷⁸.

Остановка писем, очевидно, связана и с тем событием, которое произошло через день — аудиенцией 23 ноября 1836 г.

До сих пор, как отмечалось, факт беседы Пушкина с царем и Бенкендорфом в этот день считался доказательством того, что письмо Бенкендорфу было отослано. Теперь нам необходимо объяснить прямо противоположную ситуацию.

Согласно вполне логичным гипотезам исследователей, именно на аудиенции царь взял с Пушкина слово не возобновлять ссоры с Геккерном и Дантесом, не известив верховную власть.

Однако какова связь аудиенции и писем?

Кажется, и в эти дни, как и в начале ноября 1836 г., как в 1834 г., поворот событий связан с Жуковским.

Пушкин, поддаваясь уговорам Жуковского, возможно, нашел план мщения, отправку двух писем, нецелесообразным. Хотя в письме к Бенкендорфу подчеркивалось, что его автор является «единственным судьей» и хранителем своей чести и чести своей жены, но фактически все дело, в случае обнародования писем, передавалось на суд общества и власти. В то же время царь и Бенкендорф были неплохо осве-

домлены о всем происходившем⁷⁹. Жуковский, постоянный ходатай за Пушкина перед Николаем I, в течение 21 и 22 ноября мог упротить императора, чтобы тот срочно вызвал Пушкина.

Пушкин был приглашен на аудиенцию. С него взяли слово не драться.

Пока нет возможности точно определить, какую часть информации, содержащейся в неотправленном письме шефу жандармов от 21 ноября, Пушкин открыл на аудиенции 23-го. Однако, исходя из предложенной гипотезы, что поэт видел смысл только в «двойном ударе», отправке двух писем сразу, можно усомниться, что он многое открыл царю и шефу жандармов во время беседы с ними. Не послав одновременно уничтожающего письма Геккерну, Пушкин считал бы недостойным осведомлять власть о своих мнениях и планах: или два письма сразу, или ни одного. Впрочем, хотя царь и Бенкендорф вряд ли услышали много подробностей непосредственно от Пушкина, однако на самом деле они знали, конечно, немало.

Теперь получают должное объяснение строки из последнего, преддуэльного письма Пушкина к Геккерну. Вспомнив раннюю, ноябрьскую стадию конфликта, Пушкин определял ситуацию, сложившуюся после середины ноября: «Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы были какие бы то ни было отношения между моей и Вашей семьей. Только на этом условии согласился я не давать ход этому грязному делу и не обесчестил Вас в глазах дворов нашего и Вашего, к чему имел и возможность и намерение» (XVI, 269—270; русск. перевод XVI, 427). Понятно, что «обесчестить» Геккерна «в глазах двух дворов» Пушкин мог, отослав оба письма 21 ноября 1836 г. Он этого не сделал, получив заверения, что отношения между двумя семьями прекратятся. Посредником, давшим такое заверение, конечно, мог быть Жуковский. Однако вполне вероятно, что и на аудиенции 23 ноября царь или Бенкендорф сообщили Пушкину, что Геккернам рекомендовано держаться «подальше».

После переговоров 23 ноября письмо Бенкендорфу было Пушкиным отложено, как и письмо к Геккерну. Последнее, как известно, было отчасти использовано Пушкиным при составлении второго, отправленного письма к Геккерну от 26 января 1837 г.

Сведения об использовании Пушкиным перед дуэлью и в день дуэли сохраненного им письма к Бенкендорфу смутны и противоречивы. Попытаемся свести воедино и проанализировать известные данные.

1. Примечание Миллера на автографе пушкинского письма и его собственная записка о дуэли констатируют только эпизод из «посмертного обыска»: обнаружение письма, «вложенного в конверт», в бумагах поэта и доставку его Бенкендорфу 11 февраля 1837 г.

2. Свидетельство Вяземского (относящееся к пушкинской автокопии преддуэльного письма к Геккерну): «Копия сия (автографическая) найдена была в кармане сюртука его (Пушкина), в котором он дрался. Он сказал о ней Данзасу: если убьют меня, возьми эту копию и сделай из нее какое хочешь употребление»⁸⁰.

3. В 1888 г. среди «Рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских, записанных в разное время П. И. Бартеневым», между прочим, находится следующий текст:

«Так как сношения Пушкина с государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для государя.

Но письма этого Пушкин не решился послать, и оно найдено было у него в кармане сюртука, в котором он дрался. Письмо это многократно напечатано. В подлиннике я видал его у покойного Павла Ивановича Миллера, который служил тогда секретарем при графе Бенкендорфе; он взял себе на память это не дошедшее по назначению письмо»⁸¹.

4. В 1902 г., П. И. Бартенев сопроводил следующей заметкой напечатанные в «Русском архиве» воспоминания П. И. Миллера: «Когда по кончине Пушкина описывали и опечатывали комнату, где он скончался, Миллер взял себе на память из сюртука, в котором Пушкин стрелялся, известное письмо его на имя гр. Бенкендорфа. Пушкин написал его, исполняя обещание, данное в ноябре 1836 года государю, уведомить его (через гр. Бенкендорфа), если ссора с Дантесом возобновится, но послать это письмо он не решился: ему тяжело было призывать власть к разбору его личного дела. Миллер показывал нам это письмо в подлиннике. Будь оно послано по назначению, Жандармское ведомство было бы обязано принять меры к предупреждению рокового поединка»⁸².

Сравнивая две бартеневские записи, заметим, что в более ранней — история о письме, лежавшем будто бы в кармане дуэльного сюртука Пушкина, выглядит как сообщенная Вяземскими и помещается среди их рассказов. Осведомленность Вяземских понятна: выше отмечалось, что именно в руках П. А. Вяземского был самый ранний из известных нам списков послания к Бенкендорфу. П. И. Миллер в контексте заметки 1888 г. выступает не как информатор Бартенева, но лишь как человек, предъявивший автограф и сообщивший, что «он взял себе на память».

Четырнадцать лет спустя Бартенев несколько меняет акцент. О Вяземских во второй записи — ни слова; создается впечатление, что передается рассказ П. И. Миллера.

Однако тут возникают явные противоречия между разными версиями.

Сам Миллер ни слова не пишет о письме, найденном им в сюртуке Пушкина, дважды указывая, что документ обнаружен в бумагах поэта. Понятно, что когда разбирались пушкинские бумаги — спустя две недели и более по смерти поэта, на квартире Жуковского, куда рукописи были свезены, — никакого *дуэльного сюртука* поблизости быть не могло: естественно, он остался на квартире покойного. С другой стороны, Бартенев явно сближает, а потом соединяет сведения, полученные от Миллера и от Вяземских.

В передаче издателя «Русского архива» Вяземский свидетельствует, будто в дуэльном сюртуке поэта было письмо к Бенкендорфу. В то же время запись, сделанная самим Вяземским, констатирует, что Пушкин держал при себе во время дуэли другое письмо — автокопию послания к Геккерну.

Близость темы, историческое пересечение первого письма к Геккерну (ок. 21.XI.1836 г.) с письмом к Бенкендорфу (21.XI. 1836 г.); общее сходство второго письма к Геккерну (26 января 1837 г.) с первым — все это могло породить ошибки памяти у Бартенева, Вяземских, Миллера.

Снова обратим внимание, что перед 13 февраля 1837 г. на стол Бенкендорфа легли извлеченные из пушкинских бумаг документы, относящиеся к дуэли (13-го они уже отосланы в Военно-судную комиссию).

Очевидно, эти документы были доставлены шефу жандармов П. И. Миллером (или через посредство П. И. Миллера) вместе с неотправленным письмом Пушкина к самому Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г.: даты 11 и 13 февраля 1837 г. очень близки. Обнаружение этих писем в одном комплексе отразилось и в цитированной черновой записке Миллера и, вероятно, в его рассказах П. И. Бартеневу 30—40 лет спустя.

Б. В. Казанский полагал, что Пушкин во время дуэли имел при себе автокопии двух писем — Геккерну и Бенкендорфу — и потом передал их Данзасу⁸³. Однако у Данзаса была лишь автокопия первого документа, о втором же ничего не известно.

Недоразумением (отмеченным выше) является гипотеза, будто автограф письма к Бенкендорфу находился у А. Аммосова, а последним получен от К. Данзаса.

Пушкину вряд ли важно было иметь при себе письмо более чем двухмесячной давности, в основном касавшееся ноябрьской ситуации — анонимных писем и т. п. — и не отражавшее многих преддуэльных январских обстоятельств: при немалом сходстве второго и первого письма Пушкина к Геккерну в январе уже об анонимных письмах сказано глухо, но говорится о продолжающихся и после ноябрьского конфликта преследованиях Дантесом и Геккерном жены Пушкина.

Заметим, между прочим, что находившаяся в кармане Пушкина во время дуэли автокопия последнего письма к Геккерну была сложена «в восемь раз»⁸⁴, в то время как письмо от 21 ноября сложено вчетверо. В пользу нахождения последнего письма в сюртуке у Пушкина говорит только немалая истертость послания на сгибах, как действительно бывает с бумагой, долго пролежавшей в кармане. Однако вся совокупность свидетельств Миллера и Вяземского позволяет утверждать, что письмо от 21 ноября 1836 г. Пушкин с собой на дуэль не брал.

Судьба этого письма после смерти Пушкина в общих чертах сходна с историей ряда других документов, попавших к Миллеру: от шефа жандармов письмо, очевидно, вернулось к секретарю, а тот его забрал себе. Бенкендорф, как отмечалось, обещал Жуковскому, что все бумаги, «могущие повредить памяти Пушкина», будут уничтожаться. Чтение письма Пушкина от 21 ноября 1836 г. не могло доставить шефу жандармов большого удовольствия. Документ этот, во-первых, был достаточно смел, а по понятиям шефа жандармов, — дерзок. Во-вторых, его существование доказывало, что еще за два с лишним месяца до дуэли Пушкин некоторое время желал «открыться» высшей власти. Получалось, что Бенкендорф «проглядел», «не все знал», не принял мер и т. п.

Разумеется, предложенная версия о взгляде самого Бенкендорфа на ноябрьское письмо не может быть твердо обоснованной, но в то же время нежелание графа дать письму ход кажется очевидным. Ни к каким текущим делам III отделения оно не было присоединено.

После 11 февраля, когда от Бенкендорфа отправлялись некоторые документы в Военно-судную комиссию, решилась, очевидно, судьба послания от 21 ноября, и оно осело в бумагах П. И. Миллера.

Буквально через день-два, 14 февраля, текстом этого послания уже располагал П. А. Вяземский. Вскоре сформировался тот рукописный сборник из 12 (или 13) дуэльных материалов, о котором уже говорилось выше.

История составления этого сборника рассмотрена в моей статье

«О гибели Пушкина (по новым материалам)»⁸⁵. Предлагаемая в работе гипотеза о роли Миллера в формировании дуэльного сборника, получила новые подтверждения после того, как обнаружился его архив. Миллер, чтивший память Пушкина, ясно сознавал значение правдивых материалов о жизни и кончине поэта. Свою записку о гибели Пушкина он начинает примечательными словами: «Некоторые подробности смерти Пушкина останутся всегда интересными для тех, кто обожал его как поэта и любил как человека». Хотя душою, инициатором, составителем «дуэльного сборника» был, несомненно, П. А. Вяземский, но важные сведения о первых двух документах этого комплекса — анонимном пасквиле и письме к Бенкендорфу — он получил, очевидно, от П. И. Миллера.

Что касается «диплома-пасквиля», то роль Миллера, которому был доступен архив III отделения, как будто открывается сопоставлением двух экземпляров «диплома», находящихся в начале «дуэльного сборника».

Два экземпляра, как отмечалось, находились зимой 1837 г. только в III отделении, и только человек, допущенный к секретной службе при Бенкендорфе, мог сравнить «Два анонимные письма к Пушкину, которых содержание, бумага, чернила и формат совершенно одинаковы», заметив, что «второе письмо такое же, на обоих письмах другою рукою написаны адреса: **Александр Сергеевичу Пушкину**»⁸⁶.

Быстрота, с которой письмо Пушкина к шефу жандармов попало к Вяземскому, маскирующее заглавие в большинстве списков — «Письмо Пушкина, кажется, графу Бенкендорфу» — все это также доводы в пользу особой роли П. И. Миллера в борьбе за правдивую историю последних дней и гибели Пушкина.

Приложение

П. И. Миллер

[ЗАПИСКА О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА]⁸⁷

Некоторые подробности смерти Пушкина останутся всегда интересными для тех, кто обожал его как поэта и любил как человека.

В 1836 году был при нашем дворе голландский посланник барон Геккерн, и в этом же году приехал в Петербург молодой человек Дантес, побочный сын голландского короля, а выдававший себя за побочного сына голландского посланника⁸⁸. Он был хорош собою, светски воспитан, дерзок с женщинами, а потому и принят везде в лучших домах. — Государю он понравился — и царь велел его принять в Кавалергардский полк с 10 тыс. руб. ассигнациями годового жалования. Это подняло его в собственных глазах и в глазах общества. Он нахально волочился за всеми, но преимущественно стал ухаживать за женой Пушкина. Она виновата была тем, что обращалась слишком робко и деликатно с этим наглецом; ей нужно было действовать смелее и всего менее с ним церемониться; он принял робость с ее стороны за одобрение, а потому позволял себе с нею все более и более. —

Конечно, она могла ожидать себе неприятностей от этого человека за одно резко сказанное ему слово, за один строго брошенный ему взгляд, за одну презрительную улыбку на [все] его приторные любезности.

Но что же делать, если дерзость нельзя образумить иначе как такою же дерзостью: этой-то смелости у нее и не хватало. — Она не умела остановить его, была слишком мягка, глупа, бесхарактерна.

Пушкину защищать жену одному было трудно, когда она сама не защищалась. — Увидя, что муж хоть и один, а не дремлет и сторожит жену свою стойко, умно и расторопно, Дантес решился отомстить ему, обесславив ее. Подлое средство, достойное оплеухи. — Бар. Геккерн [выбрал для этого] написал с этой целью несколько анонимных писем, которые разослал двум, трем знакомым Пушкина⁸⁹. — Бумага, формат, почерк руки, чернила этих писем были совершенно одинаковы, содержание же их было следующее: [далее текст анонимного пасквиля-диплома, по-французски].

Пушкин боялся пуще смерти быть рогатым, а потому легко можно представить себе, как он был взбешен, получа эти пасквили. Он полагал с достоверностью, что они были написаны самим голландским посланником бароном Геккерном, который, помогая таким образом Дантесу в этой интриге и в прочих его мерзостях, конечно не мог быть ему отцом и, конечно, только из желания подслужиться сыну своего короля принял личное участие в этом постыдном для них обоих деле. Пушкин тогда же решил ошельмовать их и написал два письма: одно к гр. Бенкендорфу, в котором излагал все обстоятельства, а другое к барону Геккерну, в котором нещадно отхлестал Геккерна и Дантеса [их по роже нещадно].

Письмо к гр. Бенкендорфу он не послал, а оно найдено было в его бумагах после его юмерти, переписанное и вложенное в конверт для отсылки.

Далее следуют тексты известных документов, относящихся к дуэльной истории, в этом же порядке вошедших в рукописные «дуэльные сборники», а также в публикации «Полярной звезды» (1861 г.) и А. Аммосова (1863 г.): письмо к Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г., письмо к Геккерну от 26 января 1837 г.⁹⁰, письмо Геккерна к Пушкину, две записки д'Аршиака к Пушкину, ответ Пушкина, третья записка д'Аршиака, письмо д'Аршиака к П. А. Вяземскому и письмо К. К. Данзаса к П. А. Вяземскому.

ПРИМЕЧАНИЯ

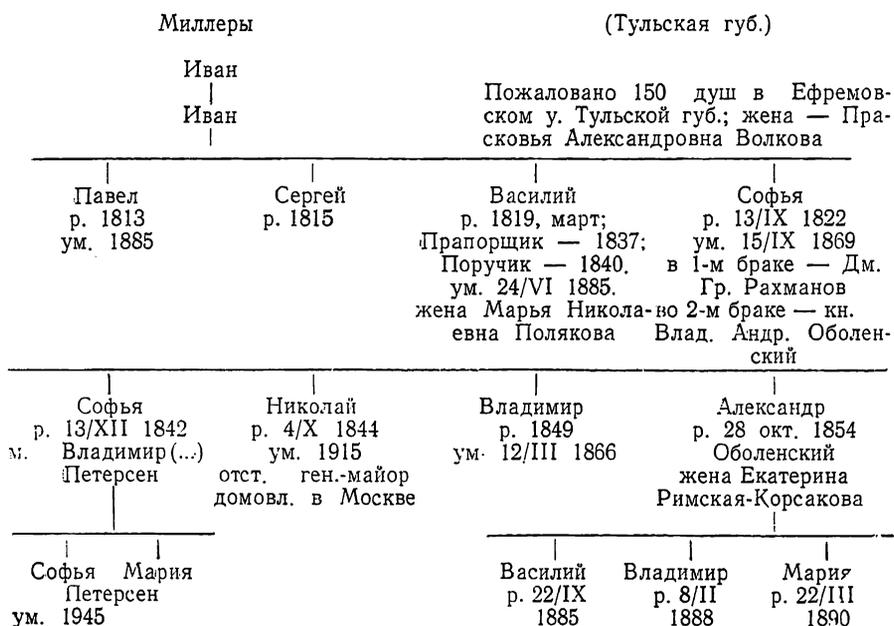
¹ П. И. Миллер, согласно Адрес-календарям 1830-х—1840-х гг., числился в придворном штате как камер-юнкер и почетный секретарь ордена св. Александра Невского. О Миллере см.: Пушкин А. С. Письма. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского, т. 3 (1831—1833 гг.). М.—Л., 1935, с. 382 (в дальнейшем: Пушкин. Письма...): Эйдельман Н. Я. О гибели Пушкина (по новым материалам) — «Новый мир», 1972, № 3.

Выход последней работы удивительно совпал во времени с поступлением в Ленинскую библиотеку архива П. И. Миллера, вследствие чего некоторые положения статьи получили дополнительное подтверждение, некоторые же — устарели.

² См.: Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. — «Наука и жизнь», 1971, № 6, с. 74.

³ П. И. Миллер был сыном генерал-майора Ивана Ивановича Миллера, участника итальянской кампании 1799 г., где он отличился, командуя 7-м егерским полком. Подробности о нем см.: «Русский архив», 1866, стб. 692—694; там же, 1877, № 1, с. 266—267, а также в письме Вас. Ив. Миллера — Д. А. Милютину от 13 декабря 1853 г. ГБЛ, ф. 169 (Д. А. Милютин), 68.69.

Матерью П. И. Миллера была Прасковья Александровна Волкова, сестра жандармского генерала А. А. Волкова. Приводимая ниже родословная Миллеров составлена студенткой Московского государственного историко-архивного института О. В. Петровой, которой автор статьи приносит свою благодарность. Источниками работы О. В. Петровой явились рукописные материалы А. А. Сиверса, сопоставленные с кн. В. И. Чернопятова «Дворянское сословие Тульской губернии» (М., 1908—1912).

^{3а} См. «Исповедь» В. И. Кельсиева, вступит. статья и комм. М. Клевенского. — «Литературное наследство», 1941, т. 41—42, с. 253—470.

⁴ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов, т. 2. М., 1957, с. 128. Речь идет об участии Миллера в альманахе «Молодик», вышедшем в Харькове в 1843 г. Переписка Миллера с И. Ю. Бецким, связанная с этим изданием находится в ГБЛ, ф. 178 (русские автографы), 4.16.29.

⁵ Миллер П. И. Встреча и знакомство с Пушкиным в Царском Селе (из воспоминаний лицеиста за 1831 год). — «Русский архив», 1902, № 10, с. 232—235.

⁶ См.: Пушкин. Письма, т. 3, с. 383.

⁷ Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Рукописный отдел (в дальнейшем — ПД), ф. 244, оп. 17, № 130, л. 8.

⁸ «Русский архив», 1902, № 10, с. 234. Встреча и первая беседа Пушкина с Миллером состоялась «27 июля 1831 г. в седьмом часу вечера» (там же, с. 232).

⁹ Здесь и далее при определении и классификации бумаги, на которой писал Пушкин, использованы соответствующие приложения к кн.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание, составленное Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.

¹⁰ Пушкин. Письма, т. 3. См. по указателю.

¹¹ Ср. «Русский архив», 1902, № 10, с. 234. Пушкин А. С. Сочинения под ред. П. А. Ефремова. 1903, т. 4, с. 433.

¹² «Русский архив», 1902, № 10, с. 234.

¹³ Здесь и далее прямо в тексте, с указанием тома и страницы, будут даваться ссылки на издание: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.—Л., Изд-во АН СССР, М.—Л., 1937—1949.

¹⁴ «Наследники Попова» — Александр и Николай, внуки владельца бумажных фабрик Лаврентия Алексеевича Попова, получили от деда по наследству три бумажные фабрики в 1828 г.: «Журнал мануфактур и торговли», 1830, № 9, с. 61—64. Эти сведения любезно сообщила автору Е. П. Маматова.

¹⁵ См.: Пушкин. Письма, т. 3, с. 422; Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, с. 83.

¹⁶ Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Сост. Н. Синявский и М. Цявловский. Изд. 2-е. М., 1938, с. 92—93.

¹⁷ Ср. Модзалевский Л. Б. Новые материалы об изданиях Пушкина — «Звенья», 1933, т. 2, с. 243 и «Литературное наследство», 1952, т. 58, с. 117.

¹⁸ Письма А. С. Пушкина к графу Бенкендорфу и В. А. Жуковскому. — «Библиографические записки», 1861, № 9, стб. 257—260.

¹⁹ Там же, стб. 257.

²⁰ Там же, стб. 257—260.

²¹ О сотрудниках «Библиографических записок», в частности об их борьбе за пушкинское наследие, см. в кн.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, гл. 8.

²² Еще новые письма Пушкина. — «Русский архив», 1870, № 7, стб. 1371.

²³ Там же, стб. 1373.

²⁴ Там же, стб. 1371—1372.

²⁵ «Русская старина», 1880, № 9, с. 218—219. Согласно рассказу Деларю, Пушкин отомстил А. Я. Булгакову, послав по почте порочающее его письмо, которое «как оказалось по справкам, действительно не дошло по назначению, но в III отделение переслано не было» (там же, с. 219). Ясно, что эти «справки» мог навести П. И. Миллер.

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 123 (Гроты), оп. 1, № 50, л. 26.

²⁷ «Русская старина», 1880, № 10, с. 424—425.

²⁸ Не исключено также, что во второй половине июня 1834 г. явились еще новые, неизвестные обстоятельства, повлиявшие на решение Пушкина: в письме от 11 июня 1834 г. он как будто считает исчерпанным конфликт с царем (Пушкин замаскированно именует Николая I в письмах к жене — «тот»): «На того я перестал сердиться, потому что, toute réflexion faite [в сущности говоря], не он виноват в свисте его окружающим» (XV, 159). В письме к жене ок. 19 июня 1834 г. Пушкин жалуется: «Здесь меня терзает и бесит без милости» (XV, 162). Об истории пушкинской попытки выйти в отставку см. в комментариях к кн.: Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 231—232 (В дальнейшем Пушкин. Письма последних лет...)

²⁹ Ранее дело находилось в архиве III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, I экспедиция, № 62. Ныне — ПД, ф. 244, оп. 16, № 10.

³⁰ Там же, л. 144.

³¹ Там же, л. 146.

³² См. например, публикацию больших извлечений из этого дела по рукописи чиновника III отделения М. М. Попова. — «Русская старина», 1874, № 8.

³³ «Русская старина», 1874, № 2, с. 394—395.

³⁴ Об А. А. Ивановском см.: «Русская старина», 1888, № 10, с. 149—157 и 1892, № 5, с. 292.

³⁵ Так в копии П. А. Ефремова (см. IX, 481).

³⁶ Так напечатано в первой полной публикации текста. — «Заря» 1870, дек., с. 421 (см. IX, 481).

³⁷ Верный текст там же, с. 422. В академическом издании последнее обстоятельство не отмечено. Пушкин точнее назвал военачальника, в копию же Пугачы и вслед за нею в академическое издание попала несколько искаженная фамилия.

³⁸ Верный текст см. там же, с. 422.

³⁹ Верный текст см. там же.

⁴⁰ Описка Пушкина — «митрополит» Саранский, вместо «архимандрит» — была, вероятно, поправлена, исходя из текста самого Пушкина: следующая фраза в том же пушкинском тексте — «архимандрит предан был гражданскому суду в Казани».

⁴¹ Еще 17 декабря 1834 г. Пушкин жаловался Бенкендорфу, что из типографии нельзя получить издания «без высочайшего на то соизволения» (XV, 203). Однако сам автор, понятно, мог располагать хотя бы одним экземпляром до этого срока.

⁴² Пушкин в печати. 1814—1837, с. 117.

⁴³ См.: Зенгер Т. Г. Николай I — редактор Пушкина. — «Литературное наследство», 1934, т. 16—18, с. 513—536.

⁴⁴ Р. В. Овчинников видит сходство этих подчеркиваний с подобными же пометами Николая I на других документах. Т. Г. Цявловская выразила сомнение в принадлежности подчеркиваний царю. Автор благодарен названным ученым за сообщенные ему мнения.

⁴⁵ Майков в Л. Пушкин. СПб., 1899, с. 177—178.

⁴⁶ См.: Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959; Чхеидзе А. И. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963; Петрунина Н. Н. Вокруг истории Пугачева. — В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. 6. Л., 1969.

⁴⁷ Русские достопамятные люди (рукопись из собрания С. Д. Полторацкого). — «Русская старина», 1892, № 7, с. 5—8.

⁴⁸ Об Иване Петровиче Шульгине (1795—1869) см. статью В. Грекова в «Русском биографическом словаре» (том «Шебанов — Шютц»). СПб., 1911, с. 518—519.

⁴⁹ Записная книжка Пугачы, в которую внесены «Замечания», хранится ныне в ЦГАЛИ, ф. 394 (Н. В. Пугачы), оп. 1, № 46. В ней находятся записи 1840—1850-х гг. Книжка заполнялась с большими пропусками, так что нет уверенности в последователь-

ности находящихся в ней записей. Необходимо отметить, однако, что выписка из «Revue des deux mondes» за 1852 г. (л. 33) предшествует копии «Замечаний» (л. 43—51).

⁵⁰ Согласно описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме» (см. № 350—367, 369), первоначальным владельцем всех этих материалов был Л. Н. Майков. Однако собрание Майкова, как известно, включило в себя часть бумаг Пушкина, оставшихся у Анненкова. См.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 272—273.

⁵¹ Я [кушкин] Е. Проза А. С. Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта. — «Библиографические записки», 1859, № 6, стб. 179—183. О возможной роли А. Н. Афанасьева и Е. И. Якушкина при пересылке пушкинских материалов в «Полярную звезду» см.: «Полярная звезда». Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Факсим. издание. Кн. IX, приложения. М., 1968, с. 131.

⁵² «Библиографические записки», 1859, № 6, стб. 179.

⁵³ Там же, стб. 180, 183.

⁵⁴ «Заря», 1870, дек., с. 418—422.

⁵⁵ «Русская старина», 1892, № 7, с. 5—8.

⁵⁶ Реальный комментарий к письмам см. в кн.: Пушкин. Письма последних лет., с. 337—339.

⁵⁷ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. 1928, с. 456. (В дальнейшем — Щеголев.)

⁵⁸ Неполный перечень «дуэльных сборников», сохранившихся в архивах Москвы и Ленинграда, см. в кн.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», с. 292, примеч. 30. Всего автором выявлено около 30 таких сборников, сохранившихся в бумагах друзей Пушкина, литераторов, государственных деятелей.

⁵⁹ Полный текст — в первом издании кн. П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»: «Пушкин и его современники», вып. 25—27, Пг., 1916, с. 140—160. Кроме писем Пушкина Бенкендорфу Вяземский отправил в тот день великому князю Михаилу Павловичу еще 8 документов (из двенадцати, составивших упомянутый «дуэльный сборник»). Они хранятся сейчас в ЦГАОП, ф. 666 (вел. кн. Михаила Павловича), оп. 1, № 563. Копию письма Вяземского и приложений к нему, снятую для лицейского музея, см.: ПД, ф. 244, оп. 18, № 103.

⁶⁰ «Полярная звезда на 1861 год», кн. 6. Лондон, 1861, с. 132—140. «Письмо Пушкина, адресованное, кажется, на имя графа Бенкендорфа», на русск. яз. (как и все ост. мат.), см. там же, с. 132—133.

⁶¹ Аммосов А. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. Спб., 1863, с. 43.

⁶² См.: Пушкин. Письма последних лет, с. 337.

⁶³ «Русский архив», 1888, № 7, с. 308 и 1902; № 10, с. 235.

⁶⁴ Щеголев, с. 456.

⁶⁵ Щеголев П. Е. Царь, жандарм и поэт. Новое о дуэли Пушкина. — «Огонек», 1928, № 24, с. 4—5; его же: Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1931, с. 140—149.

⁶⁶ См.: Казанский Б. В. Письмо Пушкина Геккерну. — «Звенья», 1936, т. 6, с. 9 (в дальнейшем — Казанский Б. В.).

⁶⁷ Цявловский М. А. Посмертный обыск у Пушкина. — В кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 280.

⁶⁸ Там же, с. 281.

⁶⁹ Султан-шах М. П. Документальные материалы об А. С. Пушкине. Краткое описание. — «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома», 1959, вып. 8, с. 30

⁷⁰ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 279.

⁷¹ Щеголев, с. 229.

⁷² Поляков А. С. О смерти Пушкина (по новым данным). Пг., 1922, с. 78.

⁷³ Там же, с. 10—11.

⁷⁴ Соллогуб В. А. Воспоминания. М.—Л., 1931, с. 367.

⁷⁵ В. А. Соллогуб рассказывал в этой связи только о письме Пушкина к Геккерну.

⁷⁶ Щеголев, с. 110.

⁷⁷ См.: Казанский Б. В., с. 15—17.

⁷⁸ Соллогуб В. А., с. 370—371.

⁷⁹ Оба сохранившиеся до нашего времени экземпляра «анонимного пасквиля» попали сначала в архив III отделения. Один был обнаружен там А. С. Поляковым. О получении второго из Департамента полиции (куда документ, очевидно, перешел из III отделения) см.: ПД, ф. 665 (архив Пушкинского лицейского общества), информ. листок № 22, л. 43.

⁸⁰ Цявловский М. А. Бумаги о дуэли и смерти Пушкина из собрания П. И. Бар-

тенева. — В кн.: Модзалевский Б., Оксман Ю., Цявловский М. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924, с. 83—84.

⁸¹ «Русский архив», 1888, № 7, с. 308.

⁸² «Русский архив», 1902, № 10, с. 235.

⁸³ Казанский Б. В., с. 13.

⁸⁴ Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме, с. 243, № 683.

⁸⁵ «Новый мир», 1972, № 3.

⁸⁶ Так — в начале многих экземпляров рукописного «дуэльного сборника». Цит. по тексту «Полярной звезды на 1861 год», кн. 6, Лондон, 1861, с. 132.

⁸⁷ Записка не имеет заглавия. Приводится без указания зачеркиваний, поправок и сокращений, сделанных Миллером, за исключением случаев, важных для смысла изложения.

⁸⁸ О распространенности этой легенды см.: Щеголев, с. 18. Вероятно, этот слух (так же, как проанализированный Щеголевым апокриф о рекомендации, полученной Дантесом от Карла X) был искаженным отражением того факта, что Дантес в самом деле имел рекомендацию от «высочайшей особы» — принца (позже — короля) Вильгельма Прусского.

⁸⁹ Исчисляя экземпляры пасквиля, Миллер, возможно, имел в виду два «диплома», находившиеся в III отделении. См. примеч. 79.

⁹⁰ Анализ письма в «Записке» Миллера (так же, как и текста этого послания, вошедшего под № 3 во все «дуэльные сборники») показывает, что источником служила в этих случаях пушкинская автокопия, которую поэт имел при себе во время дуэли и после отдал Данзасу: копия Миллера и др. сохраняет все основные особенности, отличающие автокопию от письма, отосланного Геккерну (ср. XVI, 221—222 и 269—270).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Александр II, имп. 282
Аммосов А. Н. 307—319
Анненков П. В. 302, 319
Апраксин, гр. С. Ф. 309
Афанасьев А. Н. 319
Бартенев П. И. 290, 302, 308, 312—314, 319
Бенкендорф, гр. А. Х. 280—319
Бецкий И. Ю. 317
Богаевская К. П. 281, 288
Булгаков А. Я. 284, 291, 318
Бутырский Н. И. 288
Вильгельм I, король Нидерландов 320
Волков А. А. 316
Волкова П. А., см. Миллер П. А.
Вронченко Ф. П. 283
Вульф А. Н. 301
Вяземский, кн. В. Ф. 308, 312, 313
Вяземский, кн. П. А. 286, 307—319
Геккерн, бар. Л.-Б. (Heeckeren de) 306, 310—320
Герцен А. И. 282, 303, 307, 319
Гёте И.-В. 284
Гоголь Н. В. 283
Голубевы А. П. и О. П. 281
Греков Вл. 318
Гроты К. К. и Я. К. 282
Давыдов Д. В. 283
Данзас К. К. 308—320
Дантес Ж. 310—320
Д'Аршиак О. 316
Деларю М. Д. и Ф. М. 291, 292, 318
Дубельт Л. В. 281, 309
Ефремов П. А. 285, 302, 317, 318
Жуковские В. А. и П. В. 280—317

Ивановский А. А. 294, 318
Казанский Б. В. 314, 319, 320
Карамзины Е. А. и Н. М. 311
Карл X, французский король 320
Кельсиев В. И. 282, 283, 317
Клеветский М. М. 317
Майков Л. Н. 284, 318, 319
Маматова Е. П. 317
Масанов И. Ф. 283, 317
Миллер В. В. 317
Миллер В. И. 316, 317
Миллер (урожд. Римская-Корсакова) Е. 317
Миллер И. 317
Миллер И. И. 316, 317
Миллер (урожд. Полякова) М. Н. 317
Миллер Н. В. 281, 317
Миллер (урожд. Волкова) П. А. 316, 317
Миллер С. И. 317
Милютин Д. А. 316
Михаил Павлович, вел. кн. 307, 319
Модзалевский Л. Б. 287—320
Мордвинов А. Н. 297
Нащокин П. В. 284, 288
Нессельроде, гр. К. В. 308
Николай I имп. 281, 292—319
Оболенская, кн. (урожд. Миллер, в 1-м браке Рахманова) С. И. 317
Оболенская, кн. М. А. 317
Оболенский, кн. А. В. 317
Оболенский, кн. Вас. Ал. 317
Оболенский кн. Вл. Ал. 317
Оболенский, кн. Вл. Андр. 317
Овчинников Р. В. 318
Огарев Н. П. 282, 303, 307, 319
Оксман Ю. Г. 318, 319

Оливье 284
Орлова-Чесменская, гр. А. Г. 283
Паскевич, кн. И. Ф. 286
Перетц А. А. 282
Петерсен В. 317
Петерсен М. В. и С. В. 281, 317
Петерсен (урожд. Миллер) С. В. 317
Петрова О. В. 316
Петрунина Н. Н. 318
Повало-Швейковский Н. П. 282
Полторацкий С. Д. 302, 303
Поляков А. С. 319
Попов М. М. 318
Пугачев Е. И. 294, 302, 303, 318
Путята Н. В. 294, 302, 318
Пушкина (урожд. Гончарова) Н. Н. 291, 315—318
Рахманов Д. Г. 317
Серно-Соловьевич Н. А. 282
Сиверс А. А. 316
Синявский Н. А. 287, 317
Смоленский Я. М. 282
Собольевский С. А. 283
Соллогуб, гр. В. А. 309—311, 319
Султан-шах М. П. 319
Томашевский Б. В. 287, 289, 294, 304, 317, 319, 320
Трюбнер Н. 282
Цявловская (урожд. Зенгер) Т. Г. 281, 316, 318
Цявловский М. А. 287, 317, 319
Чаадаев П. Я. 283
Чернопятов В. И. 316
Чернышевский Н. Г. 282
Чхендзе А. И. 318
Шульгин И. П. 302, 303, 318
Щеголев П. Е. 307—320
Якушкин Е. И. 303, 319

З А П И С К И
ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК

33